

ПРОБЛЕМЫ

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

УГРОЗА ВОЙНЫ

РОССИЯ И ЯПОНИЯ. — СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. — НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ И РОССИЯ.

ПАРИЖ

1934

Настоящий сборник «Проблемы»,
выпуск первый, набран и отпечатан
в типографии Société Nouvelle
d'Imprimerie et d'Édition
в сентябре тысяча девятьсот
тридцать четвертого года.

Россия и Япония

«Дело в том, что русско-японскую войну нельзя вывести только из национальных интересов России и Японии. Эти национальные интересы отлично могли бы размежеваться на Дальнем Востоке мирно, без войны. После 1905 года, после Портсмутского мира, Россия заключила, как теперь выяснилось, 4 конвенции с Японией о разделе сфер влияния в Манчжурии и в Монголии, в 1907, 1910, 1912 и 1916 г.г. Могли же мирно размежеваться. А почему же раньше было нельзя? Точно также можно было». (М. Н. Покровский: «Внешняя политика России в XX веке». Москва 1926 г.).

«В программе нашего национального расширения другая война с Россией в северной Манчжурии повидимому является необходимой мерой. До тех пор, пока этот подводный камень не будет уничтожен, наш государственный корабль не может спокойно идти вперед. Мы должны требовать от Китая права построить все важные стратегические линии. Когда эти железно-дорожные пути будут готовы, мы бросим наши силы в северную Манчжурию так далеко, как это только возможно. Когда Советская Россия вмешается, как она это, наверное, сделает, это будет предлогом,

чтобы начать столкновение». (Меморандум **барона Танака**, председателя совета министров Японии, поданный императору Японии 25 июля 1927 г.).

«В последней, недавней сессии японского парламента оппозиция осторожно интерпелировала правительство. Депутаты обращали внимание на то, что страна перенапрягается, что она глубоко увязла в Манчжурии, что материальное напряжение и хозяйственные утраты становятся угрожающими, и т. д., и т. д.

«Ответ держал сам генерал Араки, фактический вождь и вдохновитель современной японской политики. Ответ был прост, прям и откровенен до циничности: **«Если японской империи даже суждено погибнуть, все равно — путей отступления уже нет»**. (Статья обозревателя японской жизни. Начало 1933 года).

Три цитаты, поставленные выше эпитафией, могут служить отличной иллюстрацией к японо-русским отношениям с осени 1925 года и по сей день, особенно если к этим цитатам прибавить еще одну, слова Сталина в 1934 году о тех «поджигателях войны», которые, если попробуют атаковать Россию, натолкнутся на такое смертоносное сопротивление, что потеряют в будущем охоту **«совать свои свиные рыла в наш советский огород»**.

В 1925 году, — как об этом подробнее будет сказано ниже, — Япония, после семилетней оккупации, очистила русскую половину Сахалина. К этому времени и относится первая цитата, взятая из курса лекций, прочитанных весной 1925 года в Свердловском университете профессором М. Н. Покровским, известным историком-

марксистом и одним из основоположников и руководителей советской внешней политики ее начального периода.

В конце зимы 1926 года М. Н. Покровский повторил эти лекции на курсах уездных партработников, после чего они и были изданы отдельной книжкой Свердловским университетом.

Главным положением М. Н. Покровского, лежавшим в основе тогдашней советской дальневосточной политики, являлось утверждение, что Россия в войну 1904-1905 г.г. действовала под влиянием «неоформленного, правда, в первое время письменно, русско-германского союза», а Япония была представительницей чуждых влияний.

«На Дальнем Востоке, — утверждал М. Н. Покровский, — Россия представляла интересы не только свои, но и в гораздо большей степени интересы германского империализма, а Япония на Дальнем Востоке представляла в гораздо большей степени, чем свои национальные интересы, интересы английского и американского империализма.»

От этого утверждения до успокоительного вывода, приведенного в начале статьи эпиграфом, — всего один шаг. И М. Н. Покровский, а вместе с ним, и внешняя политика России этот шаг сделали. Раз можно было после войны 1904-1905 г.г. «мирно размежеваться», почему нельзя было также мирно размежеваться до 1904 года? И почему нельзя было не менее «мирно размежеваться» в 1925-1926 г.г., после увода японских войск с русской половины Сахалина? Конечно, можно...

Попытка изобразить Россию и Японию 1904 года преимущественно, как агентов иностранных империализмов, нет слов — весьма соблазнительна. Освобожденные от своекорыстных, чуждых влияний, они могут «мирно

размежевать» свои «национальные интересы». Особенно, когда в первой из них империализм, извращавший эти национальные интересы, уступил место революции, а во второй эти интересы удовлетворены рядом договоров, заключенных с царской Россией (в значительной степени, к тому же, за счет третьей стороны, — Китая) и подтвержденных затем революционным советским правительством.

М. Н. Покровский и остальные руководители внешней политики России того времени упустили из виду следующие обстоятельства: первое, что подписание подобных конвенций было возможно только после поражения России, и второе, что эти конвенции вовсе не являлись для Японии достаточным удовлетворением ее, — как она их понимала и понимает, — «национальных интересов».

Россия подписывала эти конвенции, потому что была побеждена, Япония же довольствовалась ими временно, как некоторым достижением и как новой отправной точкой для дальнейшего движения... Для Японии это являлось своего рода «передышкой», правда триумфальной, но только передышкой.

И в 1904 году Япония, конечно, защищала не английские и американские, а свои собственные империалистические интересы, используя при этом, — сколь возможно, — их временную тождественность с интересами английскими и американскими. Для Японии, Америка и Англия были всего на всего попутчиками до того момента, когда Япония, при нужде, могла бы выступить даже и против них. Да и царская Россия защищала тоже свои империалистические интересы (хотя в войне 1904 года не она была нападающей стороной), стараясь использовать заинтересованность Германии.

И вовсе не империализм царской России был главной

причиной; предопределявшей образ действий Японии. С его исчезновением Япония не только не переменяла своей империалистической политики, а, наоборот, развернула ее еще шире и откровеннее. Это вовсе не значит, что можно как-то оправдывать образ действий руководителей русской дальневосточной политики до 1904 года, — нет, их внешняя и внутренняя политика дали в свое время огромные козыри в руки японских империалистов, — но это значит, что надо совершенно ясно отдавать себе отчет в железной последовательности японского империализма. Он, — по известной формуле: «уж виноват ты тем, что хочется мне кушать», — всегда находил и будет находить оправдывающие причины для своего непрекращающегося наступления. В его аргументации былой русской империализм уступил место «красному империализму», и Россия в ней попрежнему «не азийская» страна, которую надо как можно дальше отодвинуть на запад.

Поэтому и могло получиться парадоксальное положение, при котором, в то время, как наиболее видный теоретик внешней политики Советского Союза излагал официальную теорию «мирного размежевания» «национальных интересов» будущим строителям России, японские государственные деятели и вожди армии и флота обосновывали и подготовляли очередное продвижение вперед японского империализма и ставили перед своей страной неизбежное и — по их мнению, — необходимое вооруженное столкновение с Россией, как одну из высших национальных целей.

В чем-чем, но в напряженном отношении к Японии, а еще меньше в агрессивных по ее адресу замыслах, ни пореволюционную Россию, ни советское правительство никак обвинять нельзя.

Если в чем либо, — в этой плоскости, — и можно упрекнуть советских руководителей внешней политики России, то это как раз в черезчур большой доверчивости к официозной дипломатической японской лжи и в совсем не-дипломатической излишней враждебности к китайскому правительству, что и было только на руку японцам.

Первую ошибку признал открыто Литвинов, в декабре 1933 года, когда, делая отчет о дальневосточных делах Центральному Исполнительному Комитету, заявил, что:

«Мы так верили японцам, что оставили нашу границу на Дальнем Востоке почти без всякой защиты».

Вторая ошибка была отчасти исправлена, — правда, с большим запозданием, — возобновлением дипломатических отношений с нанкинским правительством.

Для того, чтобы яснее понять действительно железную последовательность Японии в ее наступлении на азийском континенте, необходимо остановиться на рассмотрении, — хотя бы в самих кратких чертах, — исторической позиции Японии, и бросить внимательный взгляд на прошлое Японии и на ее историческую главную тенденцию, проявившуюся с большой силой с того момента, как эта страна, совершив своеобразную национальную революцию против феодализма, вошла в тесное соприкосновение с внешним миром и, не ограничиваясь больше своими островами, направила все свои усилия на экспансию в Азии и на создание для себя господствующей роли на Тихом океане.

Феодализм в Японии пал в 1867-1871 г.г. Прежняя

феодалная форма правления, когда во главе страны стоял «сигун», была заменена автократическим правлением императора, находившегося при «сигунах» на положении венценосного пленника. Однако, с самого начала установления императорского правления, оно приняло своего рода конституционную внешность.

В 1868 году, таким образом, началась новая эра, названная эрой «Мейджи» — то-есть **просвещения**. И тогда же Японией было усвоено, как национальное обязательство, правило воспринимать **отовсюду** самое лучшее.

В 1869 году император «микадо», заказав в Соединенных Штатах **первый** броненосец, окончательно разбил сторонников феодализма. Это и есть дата основания могущественного японского флота...

Быть может нелишним будет указать, что только в 1872 году в Японии была проведена первая железная дорога, что только в 1876 году были уничтожены натуральные налоги на крестьян, что только в 1877 году был открыт первый университет в Токио, что только в 1882 году был введен Свод уголовного судопроизводства и в 1890 году — гражданского судопроизводства, и что самые конституционные формы были зафиксированы в конституции, прусского образца, в 1889 году.

Но уже в 1872 году, сейчас же после свержения феодализма, Япония наряду с постройкой железной дороги и выпуском первой газеты, ввела всеобщую воинскую повинность и уже в 1874 году пыталась отнять огромный остров Формозу у китайцев.

В 1875 году Япония, отказавшись от претензий на Сахалин, получила от России Курильские острова.

И ровно через двадцать лет после неудачной попытки завоевания Формозы, Япония в 1894 году вступила в вой-

ну с Китаем, заняла Пескадорские острова, Формозу, Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, лучшую гавань Вейхайвей, потребовала протекторат над Кореей и контрибуцию в 200 миллионов таэлей (то-есть почти 200 миллионов долларов).

Россия, поддержанная Францией и Германией, выступила против этих притязаний Японии, угрожавших Китаю и Корее. Ляодунский полуостров и Вейхайвей были возвращены Китаю, за что денежная контрибуция была соответствующим образом увеличена. На эту именно огромную сумму денег Япония и перевооружила свои армию и флот.

Население Формозы продолжало героически сопротивляться, но японцы победили, жестоко расправившись с ним.

В 1894-1895 году Японией были заключены **равноправные** договоры со всеми государствами, вступившие в силу в 1899 году и в 1900 году. Япония уже, как равноправная, участвовала в подавлении боксерского движения в Китае.

Возвращенные Китаю Ляодунский полуостров и Вейхайвей были арендованы в 1898 году: первый Россией, а второй Англией.

Аренда Россией Ляодунского полуострова ставила Японии преграду к вооруженному проникновению Японии в Китай и Корею, а, кроме того, вызвала в Японии и чувство мести за относительную неудачу в деле закрепления результатов победоносной войны 1894 года.

Заручившись в 1902 году дружественным договором с Англией (по которому Англия, в случае вмешательства в вооруженный конфликт третьей силы, должна была вы-

ступить на стороне Японии), Япония потребовала протектората над Кореей...

Россия соглашалась, но требовала в свою очередь предоставления ей в Корее двух гаваней: Мозампо и Мокпо для обеспечения построенного ею железнодорожного пути: Порт-Артур — Владивосток.

Тогда Япония 21-го декабря 1903 года потребовала: политику открытых дверей в Манчжурии, признание преимущественных прав Японии в Корее, эвакуацию Россией города Ионампо на реке Ялу и открытия этой реки для иностранной торговли.

Не дождавшись даже ответа на свои требования, Япония 24 января 1904 года прекратила переговоры, отозвала посла и в ночь на 27 января, ровно тридцать лет тому назад, напала без предупреждения на русский флот и начала войну.

В 1905 году Россия заключила в Портсмуте мир. Его результаты: Россия была целиком изгнана из Южной Манчжурии, Корея попала целиком в руки Японии, получившей к тому же половину Сахалина и Ляодунский полуостров...

Корея подверглась жестокому усмирению, в ней воцарился оккупационный режим.

Теперь Япония стала твердой ногой на Азиатском материке...

Через десять лет во время мировой войны, 3 декабря 1914 года, Япония представила Китаю свои знаменитые «двадцать одно требование», в которых она настаивала на том, чтобы китайское правительство обязалось дать «свое полное согласие на все то, о чем японское правительство могло бы в позднейшее время договориться с немецким правительством по вопросам, относящимся к распоряже-

нию всеми правами, интересами и концессиями, которыми Германия, на основании договоров или иным путем, обладает в провинции Шантунг».

В это время права, интересы и концессии Германии в Шантунге заключались в территории Киочеу, сданной в аренду на срок, вместе с портом Циндао и с транс-Шантунгской железной дорогой, более известной под именем железной дороги Циндао-Шинан, и в других железнодорожных правах, и в правах по разработке рудников и мин в провинции.

Достаточно только бросить беглый взгляд на карту Китая для того, чтобы понять всю чрезвычайную важность этих требований для Китая.

Кроме того Япония потребовала от Китая продления на **девятисто четыре** года срока аренды Порт-Артура, Дальнего, также как концессии на Южно-Китайскую железную дорогу и на линию Антунг-Мукден, ведущие от побережий к самому сердцу Манчжурии...

Иными словами Китай, вместо того, чтобы иметь право на получение Порт-Артура и Дальнего в 1923 году, как это было предвидено в договоре с Россией, сможет поднять вопрос о возвращении их Японией только... в 1997 году...

В то же самое время Япония потребовала, чтобы китайское правительство **«пригласило влиятельных японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам».**

Полиция в крупных городах Китая должна была быть управляема китайцами и японцами совместно. «Китай должен был купить у Японии или определенное количество военного снаряжения (например, 50 процентов и больше всего количества, необходимого китайскому прави-

тельству), или должен был быть построен совместно эксплуатируемый японо-китайский арсенал. Должны были быть приглашены японские техники и покупаем японский материал».

Япония потребовала концессию на железнодорожную линию Шанхай-Ханькоу-Вингпо; на железнодорожную линию Нанкин-Шангша, и концессию на постройку линии Нанчанг-Хаофу.

В то же время, **несмотря на идентичность обеих религий**, Япония потребовала от Китая установления свободы японской религиозной пропаганды в Китае и права на приобретение земельных участков для постройки школ, храмов и госпиталей.

Япония потребовала также **вид права японского вето** во всех случаях, когда Китай захотел бы с помощью иностранных капиталов развить в провинции Фукиен деятельность по постройке верфей, портов и т. д., по устройству угольных военных складов, или каких либо иных военных учреждений.

Не надо забывать при этом, что провинция Фукиен находится в двухстах километрах расстояния от острова Формозы, завоеванного японцами в 1885 году.

Эта грандиозная программа экономического и политического порабощения Китая вызвала сопротивление Китая.

Не взирая на это, Япония 7 мая 1915 года поставила китайцам настоящий ультиматум, дав 48 часов на размышление.

Европейские государства были в это время заняты войной и только Соединенные Штаты заявили свой протест, особого влияния не имевший.

Правда, Япония изменила свои требования в части,

касающейся управления китайскими делами и полицией. Но большая часть всех остальных требований вошла в ультиматум.

И Китаю пришлось покориться. Попытка Китая пересмотреть это «соглашение» в Версале не имела особого успеха. Япония же в результате мировой войны получила в свое распоряжение Каролинские и Марианские острова, вернее, архипелаги и Бонинские острова. Эти архипелаги и острова она, — вопреки девятнадцатому параграфу подписанного ею соглашения 9-ти держав в Вашингтоне, — укрепила стратегически, конечно, против Америки. Попытка же, сделанная Китаем в 1922 году, в Вашингтоне, на конференции 9-ти держав и имевшая целью заставить Японию изменить коренным образом «соглашения» 1915 года, вызвала некоторые изменения, на которые Япония согласилась с целью дать удовлетворение не Китаю, конечно, а иностранным державам, чьим интересам эти «соглашения» грозили опасностью, и главным образом успокоить до некоторой степени Соединенные Штаты. Однако, даже эти, в общем незначительные, изменения вызвали колоссальное негодование в Японии. Общественное японское мнение рассматривало их, как поражение.

Но что гораздо интереснее для нас, — это поведение японцев на русском Дальнем Востоке.

Их войска, высадившиеся в конце 1918 года во время гражданской войны, во Владивостоке, — под предлогом восстановления восточного антигерманского фронта, — фактически оккупировали русский Дальний Восток и Сахалин.

Эта оккупация Дальнего Востока, несмотря на отчаянное сопротивление русского населения (сопротивление, вылившееся в открытую партизанскую войну), дли-

лась три с лишним года. Эвакуация Дальнего Востока произошла только потому, что Япония на Вашингтонской конференции 1922 года оказалась в неблагоприятной обстановке. Европа и Соединенные Штаты были еще достаточно сильны...

Уходя с оккупированной дальневосточной территории, японцы взорвали ряд незаконченных фортов Владивостока, взорвали крепость Чнырах (у Николаевска на Амуре), увели русский флот, ограбили все, что могли ограбить, увезли все, что могли увезти, испортили все, что могли испортить.

И только 15 мая 1925 года Япония эвакуировала свои войска с русской половины Сахалина...

Интересны требования, которые представили японцы, — перед Вашингтонской конференцией, — русскому населению Дальнего Востока, в лице существовавшей тогда Дальневосточной республики.

По тексту этих требований Дальневосточная Республика должна была обязаться «разоружить и уничтожить имеющиеся в настоящее время по побережью территории военные укрепления, не приводить в будущем к годному для стратегических целей состоянию и упразднить крепости в означенном районе; а равно не предпринимать никаких военных и стратегических сооружений и предприятий, могущих служить угрозой по отношению к японской империи. Кроме того правительство Дальневосточной республики должно изъять свое согласие на официальное пребывание и путешествие японских военных чинов в пределах своей территории».

Это требование означало намерение японцев применить к русскому Дальнему Востоку формулу, ими не раз с успехом испробованную в Корее и Китае.

Планы Японии в 1922 году целиком не удались. Внешние обстоятельства в этот период для нее сложились неблагоприятно. А в 1923 году землетрясение уничтожило Токио и главный порт Иокагаму. В Китае выросло огромное национальное движение «Куоминтанг», ставившее, казалось-бы, преграды дальнейшему проникновению Японии на материк. И в самой Японии, наряду с необузданным милитаризмом, как будто, усилились умеренные течения. Все это на время, как бы, смягчило агрессивность японского империализма. Тем не менее из всего вышеизложенного, ясно видны грандиозность и последовательность японского плана.

Древнеяпонская легенда, — которой верит население, — говорит о том, что японские острова однажды погибнут. И план создания континентальной империи фактически давнишний план. В половине 16-го столетия, в эпоху феодализма уже была попытка осуществления его путем завоевания части Китая и неапонских островов, окончившаяся неудачей.

С момента же вступления Японии на путь «цивилизации» (если это можно назвать цивилизацией), план этот неуклонно, по этапам, осуществляется.

Этот план в достаточной мере (бесконечное число раз) обсуждался в общей японской прессе, и в разного рода изданиях и документах, из которых самым замечательным является «Меморандум, представленный императору Японии 25 июля 1927 года»...

Он был сначала опубликован в «Кина-Критик», потом в лондонском «Морнинг Пост» и в «Журналь де Женев». В конце концов, японцы начали опровергать его аутентичность.

Но все, что происходит, показывает, что «план Та-

наки» выполняется, причем его выполнение идет гораздо более быстрым темпом, чем это указано в «Меморандуме», и принимает при этом еще более смелые формы.

Этот план предвидит создание настоящей континентальной империи, уничтожение всякого иного иностранного влияния в Китае, окончательный захват Манчжурии и внутренней Монголии, и превращение Японского моря, омывающего берега России, Кореи и Японии, в закрытое Японское море. Только закрытое Японское море представляет для Японии настоящую стратегическую базу для неизбежной войны Японии с Америкой из-за Тихоокеанского господства и для безраздельного влияния ее в Китае.

Этому осуществлению плана мешают: присутствие России на Дальнем Востоке, обладание ею западных берегов Японского моря и огромное влияние, которое она может иметь в Азии, вообще, и в Китае в частности.

Отсюда вытекает и твердая решимость путем войны овладеть русским побережьем Японского моря, отодвинуть границы Манчжурии, и вообще ослабить Россию в Азии. Это кроме того отдавало бы в руки Японии русский край, изобилующий несметными богатствами.

В японский план входят также: как индустриализация à outrance Японии и создаваемой ею континентальной империи, так и увеличение своего экономического и финансового влияния путем массового вывоза дешевых товаров, с дешевизной которых не могло бы конкурировать ни одно государство в свете. (Эта вывозная политика дает, кроме того, Японии валюту, необходимую на случай войны).

Националистически-милитаристическое движение в Японии, начиная приблизительно с 1925 года, вылилось в формы, более всего близкие германскому расизму.

Как и в Германии, оно начало устранять со своего пути всех умеренных политических деятелей.

Так, например, премьер-министр Хара был убит за подписание Вашингтонского соглашения.

Премьер-министр Хамагучи был убит за подписание Лондонского соглашения 1928 года, ограничивавшего морские соглашения.

Премьер-министр Инукай был убит за «недостаточную» решительность в Китае.

Кроме премьер-министров истреблялись и просто министры, политические и финансовые деятели.

Это движение находится в руках военных. За ними стоят и значительные народные массы, ибо движение это весьма демагогично и ищет поддержку в крестьянстве.

В 1932 году Япония вновь решительно выступает. Бомбардировка Чапея в Шанхае, военные действия в Китае, военные действия в Манчжурии, окончательный захват Манчжурии и внутренней Монголии, выход из Лиги Наций, празднуемый Японией, как величайшее благо, — всем известны.

1932-1933 г.г. проходят для Японии в закреплении своего влияния на завоеванной огромной территории. В 1932 году происходит создание Манчжурской вассальной империи со многомиллионным населением; империи, вместе с Кореей, Джехолом и Ляодунским полуостровом целиком находящейся в руках Японии.

Это и есть уже ядро Континентальной колониальной империи... План-мечта превращается в действительность!

В то же время на мировой рынок выбрасывается масса дешевого товара, и происходит небывалое развитие японской индустрии.

А к русским границам проводятся с лихорадочной по-

спешностью железные и шоссейные дороги на протяжении тысяч километров; строятся аэродромы; стягиваются авиационные силы; сосредотачиваются японские войска. Около половины японской армии в настоящее время находится в Манчжурии. Быстро формируются японским командованием манчжурские войска. Организуются также и те русские беженцы, у которых изгнание убило чувство Родины.

Тон японской прессы и заявления ответственных руководителей японской политики принимают откровенно угрожающий характер по отношению к России.

В Японии фактически ведется ничем не прикрытая проповедь ненависти к России. Эта ненависть имеет своим логическим завершением войну. Будущей войне с Россией посвящаются статьи, книги, целые исследования. Пожаловаться на «скрытность» японцев в данном случае нельзя. Опыненные, — с 1894 года своими непрекращающимися, — победами на суше и на море, гордые огромными успехами в области техники, промышленности и торговли, ослепленные почти сказочным развитием национальных сил во всех областях государственной жизни, японцы, — мы говорим о ведущих кругах Японии, — твердо верят в счастливую звезду своей страны. Эта вера закрывает им глаза на многое гнилое в самой Японии.

Отлично понимая грандиозность собственных планов, они считают нужным сделать эти планы близкими сознанию народных масс, превратить их в тот общенациональный идеал, на осуществление которого должен подняться весь народ. Ибо только такое общенародное напряжение

и может привести Японию к победе. Вот причина на первый взгляд непонятной, казалось бы, откровенности вообще не откровенных японцев. «Будущая война» должна стать близкой, ощутимой каждому японцу, каждой японке. Они должны, как бы осязать ее, наперед зная каждый свое место в ее колоссальной машине. И как символ веры, они должны заучить, — и верить в них, — все обоснования этой великой, священной, необходимой войны, войны мессианской, которая окончательно поставит во главе Азии (а затем и мира) избранный японский народ, и вместе с тем обеспечит ему хлеб насущный. Возможно дальше отодвинуть к западу, оттеснить с берегов Тихого океана, если можно совсем вытеснить хотя бы из Восточной Сибири Россию, эту не «азиатскую» страну, — вот идеал ведущих кругов Японии по отношению к России.

Он аналогичен в значительной степени идеалу национал-социалистическому. И национал-социализм готовится к борьбе против России, тоже во имя земель и нив, завоевание которых поможет германцам, обеспечив себе все нужное, встать во главе человечества. И если идеологи империалистической Японии отрицают за русскими, как не «азиатцами», право на азиатские просторы Дальнего Востока, то идеологи национал-социализма отрицают за русскими же, как не «арийцами» (и к тому же «переполненными монголоидами») право на европейские территории. (Характерно, что в японцах национал-социализм арийскую сущность признал).

Было бы утомительно перечислять японских государственных деятелей, военных (генералов, адмиралов и прочих чинов), ученых, писателей и журналистов, открыто обсуждающих планы войны с Россией и прилагающих все усилия к тому, чтобы готовность к этой войне вошла в

народную психологию, как ее составная часть. Их книги выдерживают **с-о-т-н-и** изданий и расходятся (или раздаются) в фантастических количествах.

Один из этих писателей, известный специалист по военным вопросам, могущий быть рассматриваемым, как порт-пароль военных кругов, г. Хирата, в одной из своих книг: «Как будем воевать?», весьма отчетливо рисует развитие неизбежных и желательных для Японии событий.

Сперва, — по Хирате, — произойдет анексия **сырьевой базы**, Манчжурии, необходимой кроме того, как плацдарм для развертывания японских вооруженных сил. Это предсказание, как мы видим, уже совершившийся факт. После анексии Манчжурии наступит второй этап: **континентальный**, то-есть война с Россией, победа над которой даст Японии настоящую **стратегическую базу**. И, наконец, вслед за установлением стратегической базы начнется третий этап: **океанский** — война с Северо-Американскими Соединенными Штатами в целях установления **безраздельного господства Японии в западной половине Тихого океана и в Азии..** Книги Накаямо Сиро, офицера действительной службы, о «Японо-советской войне», и полковника Сасаки Кадзуо, об «Угрожающей Советской России» не менее откровенны.

Генерал Сато в своей чрезвычайно нашумевшей книге: «Будущая война», вбивает, как ударами молота, в сознание своих читателей мысль о необходимости войны и с Соединенными Штатами.

«Мы не говорим, — пишет он, — что Америка наш предполагаемый противник. Мы категорически утверждаем, что Америка наш враг. Мы надеемся, что наступит день, когда мы сведем с ней счеты и отомстим ей».

Таких книг, — о войне с Америкой, — тоже чрезвы-

чайно много: «Японо-американская война», «Нечего бояться Америки», «Великая океанская война», и даже «Записки об японо-американской войне», и т. д., и т. д.

После войны стало своего рода привычкой не обращать серьезного внимания на подобного рода воинственную пропаганду и на сопутствующие ей лихорадочные, совершенно недвусмысленные, вооружения. Опыт 1914 года, — когда удобно было не верить в неизбежность войны, вытекавшую между тем совершенно логически из всей австро-венгерской политики на Балканах, и, особенно, в оккупированных, а затем и аннексированных ею Боснии и Герцеговине, — ничему не научил. Точно также и теперь удобно не верить тому, что балкано-адриатическая политика фашизма неуклонно (пока какие-нибудь обстоятельства ее не изменят) ведет к подобному же результату.

Стоит только вождям воинствующих диктаториальных течений, — всевозможных фашизмов и национал-социализмов, — притвориться, по надобностям момента, «миролюбивыми», как немедленно начинается глубоко-мысленное обсуждение их «миролюбия», причем **основная**, устремленная к войне, линия поведения об'является всего лишь «демагогией для внутреннего употребления», а с **с** этими «демагогами» начинают совместно выработать... меры для сохранения мира... (Япония, например, и в концерте великих сил, и в Лиге Наций только и занималась своеобразной дипломатической игрой, похожей на шотландский душ: то охладит, то ожжет; то успокоительные заявления, то бомбардировка городов, то увод войск с оккупированной территории, то захват огромнейших провинций). На самом же деле эта, так называемая, «демагогия для внутреннего употребления», была и остается энергичной подготовкой целых государств к отча-

янной империалистической войне. Но так как подготовка к современной войне требует значительного срока, во время которого подготовляющийся занят не только открываемыми угрозами, но и дипломатическим маневрированием, то политикам «сегодняшнего дня» предоставляется полная возможность черпать из этого по необходимости длительного маневрирования сколько угодно нужных им, — по тем или другим причинам, — поводов к «успокоительным» выводам. На самом же деле ни эти скороспелые «успокоительные» выводы, ни это дипломатическое маневрирование военной опасности нисколько не устраняют, а только служат для создания своеобразного пацифистского **самообмана**, к которому, в конце концов, и привыкают по настоящему, хотя бы на том основании, что: «вот, видите пока до войны все же не дошло»...

Япония, однако, так резко проводила свою основную линию поведения, что в 1932 году все иллюзии на ее счет стали невозможны. И Россия попала, как в клещи: с одной стороны, против нее, ведя **пропаганду войны без объявления начала военных действий** (как в Чемульпо, в 1904 году, и в Шанхае-Чапее, в 1932 году), выступает японский империализм, с другой стороны — против нее же выступает родственный и союзный японскому империализму германского национал-социализма...

Перед такой жестокой реальностью не могли устоять никакие иллюзии. Не устояли перед ними и советские иллюзии: дальневосточная: — «о мирном размежевании национальных интересов», и европейская: — о «дружеском сотрудничестве» с Германией... Как результат исчезновения этих иллюзий, появилась необходимость решительной перемены **всей** внешней политики России.

Между прочим, пишущий эти строки делал три года

тому назад публичный доклад в Париже. В этом докладе он, — от имени своих друзей и своего, — сделал следующие заявления: «Мы желаем скорейшего восстановления дипломатических отношений с Китаем; мы желаем скорейшего сближения России с Францией и Малой Антантой; мы желаем, чтобы это сближение с Францией и ее союзниками закрепилось настоящими договорными союзными отношениями (и, если возможно, военным союзом), ибо такое сближение может отрезвляюще подействовать на многих. Мы желаем возобновления дипломатических отношений с Соединенными Штатами, и самого тесного с ними сближения. Мы желаем самого скорейшего вхождения России в Лигу Наций, ибо, несмотря на не особенно значительный удельный вес женевского учреждения, для дела мира оно небесполезно. И, наконец, мы желаем, чтобы советское правительство поняло, — и нашло в себе силы признать, — ошибочность политики расшатывания во что бы то ни стало социалистических и демократических сил в Европе, политики, ведущей только к увеличению шансов войны и ослабляющей сопротивляющиеся войне антиреакционные силы».

Эти пожелания в то время казались чересчур смелыми. Однако, они соответствовали требованиям действительности, и, как мы видим, частью уже осуществлены, частью находятся на пути к осуществлению.

Одновременно советское правительство принялось самым лихорадочным образом за укрепление Дальнего Востока. (В обстоятельной статье Ф. Е. Махина читатель найдет необходимые по этому поводу сведения).

По мере того, как обороноспособность Дальнего Востока увеличивается, и международная обстановка складывается более благоприятно для России, меняется и тон раз-

говоров советского правительства с японскими властями.

Еще совсем недавно вынужденное к всевозможным «компромиссам», граничащим с унижением, советское правительство теперь временами находит возможным резко одернуть черезчур зарывающихся представителей японского империализма. (К числу таких вынужденных компромиссов относится и предложение советского правительства о продаже Китайско-Восточной железной дороги. Шум, поднятый вокруг этой продажи, не должен затемнять сущности вопроса. Да и самое приобретение ее подставным Манжуко, то-есть Японией, — явится лишь подведением логического итога, облеченного в якобы «законную» форму: все, что находится в Манчжурии должно принадлежать Японии для более успешного превращения этой провинции в грозный плацдарм Империи Восходящего Солнца).

Достаточно, например, напомнить, что уже в сентябре 1933 года замещавший Литвинова, Сокольников, прямо обвинил японское правительство в том, что оно дает вредные для русских интересов инструкции манчжурским властям, и заявил, что за действия последних советское правительство считает ответственным японское правительство.

В ноябре 1933 года председатель совета народных комиссаров, Молотов, говоря о планах японских государственных деятелей, требующих завоевания Приморской области и части Сибири, заявил, что в случае нападения Японии на Россию единственной целью советского правительства будет окончательное уничтожение неприятеля.

Речи наркома обороны Ворошилова и командующего дальневосточной армией, Блюхера, также, как и слова в «свиных рылах» Сталина, у всех в памяти.

Конечно, все компромиссы русской дипломатии с Японией, подчас весьма унижительные, нельзя иначе рассматривать, как маневрирование: и в целях сохранений мира во что бы то ни стало, и в целях выигрыша времени для поднятия обороноспособности Дальнего Востока.

Только этим маневрированием и можно объяснить иначе необъяснимое хладнокровие советского правительства перед откровенно провокационными и прямо-таки разбойничьими действиями Японии, переходящими все грани возможного.

При равенстве, или относительном равенстве, ряда слагаемых войны: быстроты и размаха мобилизации, величины мобилизационных резервов, боеспособности армии, технического оборудования тыла, снабжения армии, транспорта, международной обстановки, и т. д., и т. д. остаются еще важные, быть может в данном случае самые важные, вопросы **напряженности национального чувства широких народных масс, мы бы сказали, «национальной заряженности»** и готовности этих масс к **длительной борьбе** против могущественного противника. Япония в огромной степени заряжена волей к борьбе. Я позволю себе привести следующие соображения одного из лучших знатоков дальневосточных дел, постоянно живущего на Дальнем Востоке:

«Нужно только ощутить современную настроенность японского империализма, чтобы не сомневаться в его широких планах. Это империализм не только ищущего рынков капитала, а **своеобразный восточный мессианизм восточного ордена**. Было бы совершенно не верным всю сущность японской

экспансии сводить к вопросу о перенаселенности и поискам монопольных рынков для быстро возросшей японской промышленности. Все это имеет свою решающую значимость, но может быть еще не меньшую роль играет также и особая воинственная заряженность нации, мессианизм которой обуреваем величием грядущей Римской Империи Востока. И наивные мечтатели-энтузиасты, и самые практичные государственные деятели современной Японии видят будущую Континентальную Японскую Империю в границах значительной части Китая, Российской Восточной Окраины, Монголии и других примыкающих территорий. Для людей, живущих в ограниченном мире привычных политических реальностей, это покажется неосуществимой фантастикой. Не спорю, заранее соглашаюсь, только констатирую. Страна заряжена этой манией создания грандиозной империи народов Востока под духовной и государственной гегемонией Японии.

«Япония ныне единственная страна в мире, дерзновенная, воинственная, с непоколебимым, устойчивым национально-эгоистическим устремлением.

«Отсюда эта сегодняшняя игра «ва-банк». Или сейчас, или никогда. Ставятся на карту взлеянные национальные мечты. Идет решительная борьба за мировое владычество».

Это «сейчас, или никогда», надо, конечно, понимать не как обязательно н-е-м-е-д-л-е-н-н-о, а как ближайший исторический период (и может быть даже и ближайшие годы).

Национальная империалистическая заряженность Японии приобретает еще тем большее значение, что в ней ведущим началом является наряду с империализмом и социальное начало, откровенно антикапиталистическое, а потому доступное и близкое широким массам населения, видящим в своеобразном военном «национал-марксизме», густо окрашенном героической японской традицией, выход из капиталистического тупика. Точка приложения ненависти японского империализма — Россия, представляется к тому же этим массам, как чуждая Азии, **не азиатская страна**, мешающая грандиозному развертыванию сил Японии на родном ей азиатском континенте, и являющаяся вообще главным препятствием для осуществления исторической задачи Японии.

Фактически Япония, — мы говорим о Японии после 1870 года, — всегда видела в присутствии России на берегах Тихого океана величайшую помеху для реализации всех империалистических планов. Будь-то режим монархический, как в 1904 году, будь-то демократический, как в 1921-1922 г.г., во время Дальневосточной буферной республики, будь-то коммунистический, отношение Японии оставалось тем же самым. Россия, как Азиатская страна, — и **только потому**, — являлась и является предметом ее ненависти.

Ибо, — и этого нельзя ни на минуту забывать, — Россия не только великая Европейская, но и **великая Азиатская страна**, а тем самым и **великая Тихоокеанская держава**.

Достаточно указать на то, что территория России в Азии равна 16.914.947 квадратным километрам, то-есть в

четыре раза больше, чем ее территория в Европе, и в два раза больше, чем вся Европа вместе с Европейской Россией. Сухопутные границы России и Азии равняются 15.380 километрам, а береговая, — океанская и морская, — линия России в Азии равна 31.500 километрам. Картина не будет полной, если ко всему этому не добавить, что **территориально** Азиатская Россия самая большая страна Азии и что она в четыре раза (пространственно) больше Китая, территория которого равна 4.024.970 квадратных километров (включая туда и Манжуку). °

Проникновение России в Азию началось по настоящему во второй половине 15 столетия и к началу 1662 года территория, ею занимаемая в Азии, равнялась 4.500.000 квадратных километров!..

И уже в 1633 году русские в первый раз появились на берегах Великого океана. Это был казак Москвин, вышедший по рекам Улье и Алдану к Охотскому морю. В 1644 году казак Поярков по реке Амуру вышел к тому же Охотскому морю. В 1648 году казак Дежнев через Берингов пролив прошел в устье реки Анадырь. В 1696 году казак Атласов занял Камчатку и оттуда прошел на Аляску. **Охотск и Аян были русскими портами в течении 200 лет.**

В 1849 году морская база России на Великом океане была перенесена в Петропавловск. Одновременно был основан Николаевск на Амуре, и туда переносится база из Петропавловска.

И, наконец, в 1872 году, — **то-есть на 22 года раньше**, чем вышедшая из феодального состояния Япония начала настоящую экспансию со своих островов на Азиатский континент, — Россия, **бывшая территориально уже**

четыре столетия самой большой азиатской державой, построила владивостокский порт.

Даже этих кратких сведений о России и Азии достаточно, чтобы по заслугам оценить всю неосновательность противопоставления себя Японией России, как страны **азиатской стране не азиатской**, противопоставления особенно ярко выявляющегося на так называемых «паназиатских» конгрессах, созываемых Японией, противопоставления, которое служит чуть-ли не единственным «моральным» обоснованием пропагандируемой в японском населении ненависти к России.

Справедливость требует отметить, что японским купцам удавалось в 15-16 веке основывать свои торговые фактории в ряде тихоокеанских стран, **но и только.**

По существу же Япония до русско-японской войны была **чисто островной** тихоокеанской страной, не имевшей на азиатском континенте никаких владений, **в то время как Россия занимала треть азиатского континента**, организовывала бесконечные азиатские пространства, вызывала к жизни и приобщала к человеческой сокровищнице непроходимые леса и тундры арктической Азии.

И теперь тридцать лет спустя после шумного, военного проникновения Японии на континент, число японских выходцев в Азию не превышает ничтожной цифры 400.000 человек, находящихся по отношению к населению континента в положении завоевателей, в то время, как население Азиатской России, абсолютно равноправное, связанное общностью интересов, тождественностью законов, одной и той же экономикой и общей длительной историей, превышает цифру 25.000.000 душ.

Азиатская Россия и Европейская Россия органически связаны в одно целое. И Россия, как уже было выше от-

мечено, в силу этого является и великой Азийской страной.

Для России ее азийская часть имеет колоссальное значение. Она содержит в себе неисчислимые богатства и огромные просторы.

В нее естественно перемещаются центры главнейших отраслей народного хозяйства. Это новая Америка — Америка России...

Достаточно указать на то, что главные **ресурсы** России, ее самые большие богатства находятся в Азийской России, главным образом в алтайско-енисейско-байкальской ее части.

Здесь между Обью и Енисеем, с одной стороны, и Байкальским озером и Леной, с другой, великое **каменноугольное** богатство России. Здесь колоссальная **сплошная** территория богата также и всякими видами полезных ископаемых: угля, железа и цветных металлов. Богата она и водной энергией.

Именно здесь находятся так называемые **«ресурсоносные площади»** России, **связанные на огромном протяжении в одно целое.** Эти необозримые и богатые территории и являются необходимыми для ведения Россией **материкового** (континентального) хозяйства.

Для нашей **«каменноугольной эпохи»** одним из главных условий развития мощного народного хозяйства является наличие больших запасов угля.

И нелишним будет дать несколько кратких указаний на каменноугольные возможности России в этом крае, указаний, взятых из различных новейших подсчетов, суммированных **П. Н. Савицким** в 1932 году («Месторазвитие русской промышленности»).

От реки Оби и до Байкала великий сибирский путь идет почти сплошь по каменноугольным залежам. Запа-

сы **Иркутского** бассейна исчисляются в 50 миллиардов тонн, с теплопроизводительностью в 6.000-6.500 калорий.

Запасы **Канского** бассейна определяются в 40 миллиардов тонн. Запасы **Ачинско-Красноярского** бассейна определяются в 25-30 миллиардов тонн. Запасы **Чулумо-Урюпского** района еще не подсчитаны. По запасам бурого угля эти последние три района превосходят все, что имеется в мире за исключением Северной Америки.

Богатства **Кузнецкого** района определяются в 400 миллиардов тонн угля с теплопроизводительностью от 7.500 до 8.000 калорий. Этот район дает высокопробные угли, в том числе и сапропелевые, что открывает перспективу их перегонки в нефть, бензин, керосин, парафин.

Богатства **Минусинского** района исчисляются в 14 миллиардов тонн с теплопроизводительностью в 7.000 калорий.

А если бросить взгляд вверх к северу, то мы увидим **Тунгусский** и **Якутский** каменноугольные районы с площадью в 1 миллион квадратных километров, и запасы которых обещают сотни триллионов тонн, когда предоставится, конечно, возможность их разработки...

Вот совершенно исключительные условия для расцвета в будущем русской промышленности...

Здесь же, в Азийской России, имеются и совершенно исключительные возможности для расселения ее растущего бешеным темпом населения.

Наш великий ученый, Менделеев, еще в 1906 году указывал, что «центр поверхности России, способной к расселению, лежит около границы Тобольской и Томской губернии, немного севернее Омска».

То-есть в Азийской России. А о том, как России необходимо это расселение, можно судить по темпу роста

населения: в 1933 году прирост его должен был превысить цифру 4.000.000 душ.

Перед этим действительно огромным ростом населения отходят в область просто комического демографические соображения воинствующего национал-социализма, ставящего главной целью своего существования захват «германским мечем» российских «нив и земель» «для германского плуга». «Моя Борьба» Гитлера проповедует крестовый поход, — во имя земли, — на Россию, основываясь на «будущих» гипотетических «двухстах пятидесяти миллионах немцев», **в то самое время, как прирост немецкого населения из года в год падает!..** И даже значительный ежегодный прирост (около 900.000) японского населения, — объясняемый и, главным образом, вызываемый распространённостью дешевого детского труда, — отходит на задний план по сравнению с тем, который **больше, чем сотня народов,** живущих на русском континенте, дарит ежегодно миру. Для **всех** этих народностей европейская и азиатская территории России необходимы уже теперь. На них разворачиваются их силы и способности, на них строится не гипотетическое «будущее», а подлинное **настоящее** великой страны.

Все права: право исторической давности владения, право необходимости, право уже **начавшегося** использования и приобщения к завоеваниям человеческой культуры этих территорий, находятся на стороне народов России. Для них это не **колония**, которую еще только надо завоевать, а общее достояние, уже давно принадлежащее им **всем и на равных** для всех оснований.

Переходя к тому, что в настоящий момент является возможным объектом японских устремлений, к Дальнему Востоку, вряд-ли необходимо подчеркивать, что для России он имеет огромное значение. Он является преддверием Восточной Сибири к Тихому океану. Он связывает русский Континент, — шестую часть света, — с мировым водным простором, он вводит ее в центр тихоокеанской политики, к которому перемещается и ось мировой политики. Он открывает перед Россией бесконечные возможности.

На этом богатейшем просторе, — в 2.700.000 квадратных километров приблизительно, — то-есть от Байкала до Тихого океана имеются несметные залежи каменного угля, вольфрамовые руды, олово, свинец, цинк, серебро и золотые россыпи. Необозримые площади, покрытые прекрасным строевым экспортным лесом, изобилующим к тому же пушшиной. Одни из лучших в мире рыбные промысла.

На этой богатой всеми благами территории живет свыше двух миллионов населения, и туда направляется человеческий поток переселенцев из других частей России.

Вот в главных чертах те грандиозные проблемы, которые связаны для России с Азийской частью ее территории, и которые должны являться — и являются — главным содержанием национальной и социальной заряженности населения России в дальневосточном вопросе.

А так как внешняя политика России не является в настоящий момент политикой экспансии за чей либо счет, то эта заряженность должна быть еще напряженнее от сознания, что не Россия нападающая сторона.

Развитие враждебности отношений на дальневосточных границах, — инициатива которой принадлежала и принадлежит Японии, — быстро достигло почти предельной точки. Эти отношения до того напряжены, что каждый очередной инцидент может вызвать серьезное столкновение.

Но произойдет-ли война?

Если политика Японии останется той же (вернее, если сама Япония духовно, социально и экономически останется той же) война неизбежна. Инициатива этой войны целиком в руках Японии. Она исторически нападающая сторона.

Другой вопрос: — когда война произойдет?

Несмотря на все успехи, внутреннее положение Японии крайне тяжелое. Решится-ли она теперь, в ближайшем будущем, броситься в авантюру мирового размаха?

Все прошлое развертывания сил японского империализма показывает, что Япония действует по этапам, тщательно и длительно подготавливая каждый новый этап. Считают-ли японские командующие круги, что очередной этап, или, как его определяет Хирата, «континентальный», — этап войны с Россией, — уже подготовлен?

Ближайшее будущее ответит на эти вопросы.

Для нас же, для русских современников бурного нарастания и развития исторического конфликта на Дальнем Востоке (вне зависимости от того: находимся-ли мы в России, или за границей, в изгнании) не должно, не может быть никаких сомнений о том — на какую сторону

нам встать. Если слово п-а-т-р-и-о-т-и-з-м (в своем высшем и лучшем значении) не пустое, лишенное всякого смысла слово, каждый любящий Россию не может не быть на ее стороне. Не может не быть на стороне населяющих Россию народов, миролюбивых, к войне с Японией не стремящихся и преследующих не политику империалистических завоеваний, а политику использования принадлежащих им территорий.

Вл. Лебедев.

Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке

I. ЦЕЛИ ВОЙНЫ

Агрессивная политика Японии, открыто проводимая ею в течении последних лет, по рецепту, сформулированному в мемуарах генерала Танаки, имеет своей целью установить гегемонию Японии на Тихом океане и в Китае. Полное освоение Манчжурии и окончательное закрепление в ней японского господства является первым и совершенно неминуемым этапом японских устремлений. Однако, до тех пор, пока границы Манчжурии будут соприкасаться с Россией, не отказавшейся от активной политики на Дальнем Востоке и на берегах Тихого океана, замыслы Японии будут встречать огромнейшие затруднения и будут находиться под постоянной угрозой возможности вмешательства России.

Грандиозный план японского империализма может получить свое осуществление лишь при условии длительной слабости России, которая бы позволила Японии окончательно превратить Японское море в свое внутреннее море, и навсегда закрепить за собой Манчжурию.

Задача ослабления России и устранения ее от влияния на дела Дальнего Востока возможна лишь только тогда, когда Россия будет окончательно отрезана от берегов Тихого океана и превратится в континентальное го-

сударство с восточной границей, отнесенной на запад от Байкальского озера. Таким образом, в предстоящей войне с Россией, Япония должна поставить задачей своей стратегии полный разгром российской военной мощи, ибо только при этих условиях она может продиктовать России условия, которые исключили бы в будущем возможность для нее играть влиятельную роль на Дальнем Востоке.

Поскольку мы констатируем наличие империалистической экспансии Японии на берегах Тихого океана и в Китае, мы, следовательно, вынуждены считать роковой неотвратимостью вооруженную борьбу ее с Россией, борьбу, которая должна носить решительный характер и целью которой является полная победа Японии. Эта борьба при таком задании должна потребовать от Японии всего напряжения ее экономических и физических сил.

Оценивши значение войны с точки зрения задач Японии, мы должны оценить ее значение и с точки зрения интересов России. В данном случае мы должны заявить, что подготавливающийся военный удар по России совершенно исключает вопрос об отношении Японии к России с точки зрения русских внутренних политических и социальных форм.

Удар заносится вообще над Россией, как великой страной, территория которой занимает огромные пространства Азии, и доходит до берегов Тихого океана. Отношения Японии к России определяются прежде всего географическим положением, значением России в международных отношениях вообще, и в особенности в Азии, а вовсе не формами ее внутренней жизни.

Дальневосточная война, если она произойдет, будет для России носить оборонительный характер и иметь сво-

ей целью парализование оккупации Японией Северной Манчжурии и защиту русских владений на берегах Тихого океана.

II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНОГО ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ареной войны на Дальнем Востоке должна послужить территория, простирающаяся на восток от Байкальского озера до берегов Тихого океана, общим протяжением (с запада на Восток) около 1.600 километров. В состав этой территории входят русские владения: от Байкальского озера до манчжурской границы (протяжением около 600 километров) и Приморский край — от восточной границы с Манчжурией до Тихого океана (протяжением около 250 километров). Между этими частями русских владений достаточно далеко на север (примерно на 400-500 километров) вдается Северная Манчжурия, составляющая территорию вновь образованного государства Манчжуго, имеющая протяжение с запада на восток в 875 километров. Разделенные Северной Манчжурией два района русских владений связываются на севере русской территорией, прилегающей к реке Амуру, с городами: Благовещенск и Хабаровск.

Таким образом, театр военных действий расчленяется на четыре района военных действий: Забайкальский, Приморский, Приамурский и Манчжурский.

Поскольку вся Манчжурия в данное время оккупирована японцами, она, несомненно, послужит районом сосредоточенья японских войск и той исходной территорией,

с которой японцы начнут свои активные действия. **Забайкальский район**, как непосредственно базирующийся на основной территории России, явится районом сосредоточения главных русских сил и послужит ареной борьбы между ними и главными силами Японии. Вторым важнейшим районом военных операций, естественно, послужит Приморский, как включающий в себя важные объекты для японского наступления, которое, в случае успеха, может закончиться огромным для них территориальным приобретением и вместе с тем ликвидацией той угрозы японскому тылу, которую этот район по своему положению представляет.

Этот район с точки зрения командования российской армии является, в значительной мере, благодаря своей удаленности от тыла, районом самостоятельным. Поэтому подготовка его к войне должна носить вполне законченный характер, то-есть в нем должны быть заблаговременно сосредоточены и достаточные силы и достаточные запасы, для того, чтобы собранные здесь войска могли с известной независимостью разрешать задачу обороны этого края.

Приамурский район, как лежащий в стороне от важнейших объектов военных действий, будет служить ареной борьбы небольших войсковых групп за обладание путями сообщений, связывающими Забайкалье и Приморье

Мы должны указать также на весьма вероятную возможность японского нападения на полуостров Камчатку

Помимо указанных районов, необходимо отметить как весьма вероятный, район военных действий, так называемый Восточно-Монгольский, примыкающий к южной части Забайкальского района, а также и район Северный

Кореи с портами Расин и Сейсин, как вероятный район борьбы за овладение Владивостоком.

Поверхность театра военных действий представляет собою сочетание четырех колоссальных параллельных одна другой террас, выходящих из Монголии и Манчжурии с юго-запада на северо-восток и опускающихся обрывом в юго-восточном направлении к берегам Тихого океана. На двух высоких уступах, верхнем и нижнем нагорьях, расположены Восточное Забайкалье и северо-западная часть Приамурья. Третья терраса, или плоская возвышенность, занята центральной частью Приамурья, юго-восточная оконечность которой заходит на четвертую террасу: тихоокеанскую низменность или Приморье. Окраина каждой террасы на всем своем протяжении сопровождается горными хребтами. В пределах Манчжурии находится две горных системы: система Большого Хингана на западе, заповняющую собою территорию, подходящую к среднему течению Амура. В восточной же части, с юго-запада на северо-восток, протягивается хребет Чан-Бо-Шан, служащий водоразделом бассейнов рек Сунгари и Уссури. Между этими хребтами растилается обширная холмистая равнина, орошаемая рекой Сунгари и ее притоком, рекой Нонни.

В общем, театр военных действий носит характер горной страны, требующей ведения операций отдельными самостоятельными войсковыми группами. Действие механизированных частей потребует во многих местах предварительной разведки местности и подготовки путей и не всегда может найти себе применения.

Пределы Манчжурии со стороны российских владений отделяются: на западе рекой Аргунью, судоходной на 890 километров — на севере рекой Амуром (ширина от

половины до одного километра), и на востоке рекой Усури, судоходной на 600 километров. Река Амур, по своим размерам, представляет собой сильную стратегическую преграду.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ БАЗЫ РОССИИ И ЯПОНИИ

Современная война в гораздо большей степени, чем война 1914-1918 г.г. должна характеризоваться применением огромного количества технических средств, позволяющих вооружить бойцов мощной разрушительной силой в бою и дающих командованию возможность ставить перед армиями широкие стратегические и тактические цели, а также организовать непрерывность разведки и связи. Отсюда вытекает чрезвычайно важный вопрос о техническом снабжении воюющими сторонами своих армий, которое позволило бы в нужные моменты войны и на решительных участках театра военных действий иметь боевое превосходство над противником. С этой точки зрения мы должны констатировать, что в сравнении с периодом русско-японской войны (1904-1905 г.г.) положение сильно изменилось.

В прошлую войну Япония явилась на театр военных действий с более мощной и совершенной техникой, чем Россия. В наше время есть основание предполагать, что техническое снабжение русской армии не только не будет уступать японской, но в некоторых отношениях и превосходить ее. Индустриализация России на базе огромных естественных, в особенности рудных, богатств, дала возможность поднять на должную высоту производство всех

необходимых для войны технических средств. В настоящее время русская индустрия производит, в достаточном количестве, танки всех видов, современную артиллерию, необходимые химические и военно-воздушные средства борьбы и разведки: тяжелые бомбардировщики, истребители и т. д. Снабжение армии всеми видами моторов обеспечено домашней моторостроительной индустрией. Современная русская армия вооружена средствами новейшей военной техники. По данным, проникшим в печать, известно, что техническое вооружение армии достигает 7,74 лошадиных сил на каждого солдата.

Что касается Японии, то не взирая на то, что она имеет высоко развитую собственную военную индустрию, производство в широком объеме необходимых военных технических средств затрудняется тем, что она в своей стране не имеет достаточного количества необходимого для этой цели сырья. Ее металлообрабатывающая и машиностроительная индустрия развита недостаточно и покрывает только две трети потребностей страны в мирное время. Недостаток нефти заставляет ее ввозить в мирное время свыше 500.000 тонн нефти и свыше 300.000 тонн бензина и других нефтяных продуктов. Из цветных металлов в достаточном количестве имеется только медь. Имеющийся в стране каменный уголь совершенно неудовлетворителен для промышленных целей. Количество ввозимого хлопка превосходит 700.000 тонн, каучука ввозится свыше 20.000 тонн. Таким образом, потребности военного времени заставят Японию прибегнуть к широкому ввозу необходимого сырья из-за границы и частью из Манчжурии. Однако необходимый для оплаты ввоза золотой запас Японии за последние годы начал значительно уменьшаться: так в 1931 году он составлял 882 миллиона

иен, в 1932 г. — 552 млн. иен, а в 1933 г. всего 429 млн. иен, то-есть за два года сократился больше, чем в два раза...

Япония нуждается не только в ввозе индустриального сырья и топлива, но и в ввозе разного рода продовольствия для своего населения. Своими средствами она удовлетворяет только потребность в рисе. Большую часть рыбы, являющейся в Японии одним из главнейших продуктов народного питания, она получает из рыболовных районов у русских берегов Тихого океана (у Николаевска на Амуре, на Сахалине и частью у Камчатки). Ввозятся почти целиком: пшеница и бобы. Эксплоатация рудных богатств Манчжурии и развитие металлургической индустрии задерживается неблагоприятным финансовым положением Японии. Знаменитый японский «демпинг» в первую очередь стремится покрыть огромные расходы, происходящее в данное время перевооружение армии.

С точки зрения стратегии огромное значение имеют, наряду с общим богатством страны предметами снабжения армии, удаленность от театра военных действий источников снабжений, то-есть местонахождение фабрик, резервов продовольствия, а также и средства транспорта, другими словами вопрос удаленности баз и коммуникаций.

Рассмотрим положение Японии и России с этой точки зрения, то-есть с точки зрения условий их базирования и коммуникаций.

1). Я п о н и я .

Технические средства и боевые припасы

Впредь до развития военной индустрии в Манчжурии снабжение японской армии техническими средствами

и боевыми припасами должно производиться из существующих военно-промышленных предприятий в самой Японии.

В Манчжурии японская армия найдет большую часть необходимого ей количества продовольствия (за исключением риса). Потребность армии в мясе будет удовлетворена на месте не вполне, поэтому японцам придется использовать животноводческие ресурсы Монголии. Стремление к захвату внутренней Монголии, помимо чисто политических целей, диктуется японцам, между прочим, и необходимостью обеспечить снабжение армии мясом.

Транспорт

В случае войны японский транспорт на театре военных действий помимо перевозок войск и нормального снабжения армии всем необходимым, должен быть занят также и перевозками по снабжению самой Японии манчжурским сырьем, необходимым для военной индустрии, продовольствием, и горючим матерьялом. Средства морского японского транспорта позволяют производить перевозки огромного тоннажа. Транспорт в самой Манчжурии от портов Тихого океана связан с работой железных дорог. В данное время японцы в Манчжурии могут располагать следующими железнодорожными линиями:

- а) От порта Сейсин — на Лафа-Харбин-Хайлун (900 километров);
- б) От порта Фузан — на Мукден-Гирич (850 километров);
- в) От порта Дайрен — на Мукден-Чан-Чун-Харбин (900 километров);
- г) От порта Инкоу — на Тунлао-Таоан-Цинцикар (950 километров).

Из этих четырех железнодорожных направлений, первое в начальной своей части проходит примерно в 200-250 километрах от Владивостокского укрепленного района. Вследствии этого, путь Сейсин-Лафа-Харбин-Хайлун будет находиться в зоне ближайшего действия советского воздушного флота. Поэтому нужно думать, что, впредь до того, как будет парализована активность этого флота, выгрузка в порту Сейсин и вообще регулярная работа железной дороги на этом участке будет затруднительна. Вообще же провозоспособность манчжурских железных дорог не может быть особенно велика, с одной стороны потому, что вновь выстроенные пути, благодаря поспешности с которой они строились, не приведены в нормальное состояние, а с другой, потому, что частые нападения китайских партизан на железные дороги очень дезорганизовали их и причинили значительные разрушения важных сооружений. Таким образом, общая провозоспособность всех четырех ж.-д. линий едва ли будет свыше 48-50 пар поездов в сутки.

Расчитывая, что на каждую дивизию потребуется примерно полторы пары поездов в сутки, можно допустить, что японцы могут сосредоточить в Манчжурии до 30 дивизий. На обслуживание их потребуется до 45 пар поездов в сутки. Это заполнит почти весь железно-дорожный график и едва ли позволит пользоваться для перевозки промышленных грузов больше, чем 3-5 поездами.

Снабжение японских войск в случае их продвижения на запад от Харбина может быть организовано только по одно-колейной железнодорожной линии Харбин — станция Манчжурия (700 километров). Нормально этот конец железно-дорожного пути может снабжать не более 8-10 дивизий поэтому для снабжения бóльшего количества ди-

визий к Западу от Харбина понадобится скорейшее окончание жел.-дорожного пути от Таона до Солуна и организация автомобильного транспорта. Снабжение войск, действующих против Владивостока, в коммуникационном отношении разрешается более легко.

2) Р о с с и я .

Технические средства и боевые припасы

Существовавшее до Великой войны размещение обрабатывающей индустрии, главным образом вблизи западной границы, повлекло за собой потерю значительной части предприятий уже в течении первого года войны. После окончания Великой войны и гражданской междуусобицы в России встал вопрос о реорганизации оставшихся предприятий и об организации новых и вообще о новом и более рациональном размещении обрабатывающей промышленности, сообразно с местонахождениями источников сырья. В результате первого пятилетнего плана по расчетам авторов книги: «Die Sowjetunion» O. von Nidermayer'a и J. Semjonow'a *) было создано 769 новых фабрик и предприятий (не считая 80% перестроенных старых). Главный центр тяжести обрабатывающей промышленности был отнесен на восток от реки Волги, где находятся громадные запасы угля и металлических руд. Здесь были созданы большие металлургические и химические базы, которые в 1931 году дали 20% всей продукции Советской России. Для иллюстрации нового положения авторы вышеуказанного труда приложили интересную схему. На этой схеме мы видим появление мощной металлургической ба-

*) O. von Nidermayer — J. Semjonow. Die Sowjetunion. Eine geopolitische Problemstellung. Berlin 1934.

зы на территории в шесть миллионов квадратных километров, ограниченной на западе Уральским хребтом и на востоке рекой Енисеем. Здесь возник так называемый Урало-Кузнецкий индустриальный комбинат. К востоку от реки Енисей начал развиваться новый Енисейско-Ангарский индустриальный район. Первый пятилетний план положил также основание для индустриализации Дальневосточного края, где создан ряд промышленных предприятий на базе местных руд, каменного угля и сахалинской нефти. План второй пятилетки предвидит дальнейшее расширение и использование естественных ресурсов в этих районах и большое новое строительство индустриальных предприятий.

Таким образом, основная металлургическая база, и вообще база тяжелой индустрии, за последнее время продвинулась далеко на восток. Если считать восточной границей этой базы реку Енисей, то расстояние от нее до границы с Манчжурией будет примерно в 1.800 километров. Точно такое же расстояние отделяет эту границу от портов Желтого моря. Следовательно, то невыгодное положение России, в котором она находилась во время первой Русско-Японской войны, благодаря огромной удаленности ее базы от театра военных действий, в настоящее время сильно улучшилось.

В отношении снабжения армии продовольствием необходимо сказать, что за последнее время в России освоены значительные пространства земли под посев к востоку от реки Волги, в Казакстане, Западной Сибири, а также расширяется посевная площадь Восточной Сибири и даже Дальневосточного края. К концу 1933 года здесь было организовано, кроме около 1.700 колхозов, 25 совхозов с территорией почти в один миллион гектаров, снабжен-

ных 1.130 тракторами и 350 комбайнами. Вопрос о мясном довольствии армии, вследствие общего падения поголовья скота в России, обстоит плохо, но при развитии военных действий в Манчжурии могут быть использованы большие скотоводческие ресурсы Внешней Монголии.

Транспорт

Необходимо рассмотреть две системы сообщения, а именно:

1) Пути ведущие в пределы Урало-Кузнецкого комбината из Европейской России, которая, конечно, остается главным источником пополнения людских кадров армии и снабжения зерновыми продуктами, также как и некоторыми видами технических средств, и

2) пути, связывающие этот район с Дальневосточным театром военных действий, то-есть пути к востоку от реки Енисей.

1. Пути из Европейской России в Урало-Кузнецкий комбинат:

- а) Основным путем является двухколейная железнодорожная линия Самара-Новосибирск;
- б) К северу от этой линии — ряд железнодорожных путей, ведущих от индустриального центра Европейской России на Урал, к Свердловску (через Казань и Пермь), и от Свердловска к Кургану и Омску;
- в) От Оренбурга через Орск к Челябинску;
- г) От Красноводска, на восточном берегу Каспийского моря, через Ташкент, Семипалатинск к Ново-Сибирску.

С окончанием постройки Саратовского моста через

Волгу и участка железной дороги Уральск-Оренбург значительно улучшится связь южных областей Европейской России с западно-сибирским краем. Не считая, что существующая связь Европейской России с этим краем вполне достаточна, мы все же можем указать, что она коренным образом и в лучшую сторону изменила вопрос о коммуникациях по сравнению с периодом прошлой Русско-Японской войны. Вторая пятилетка предвидит большие работы по реконструкции и усилению ж.-д. путей, связывающих Центральную Россию с Кузбассом и со Средней Азией.

К перечисленным железнодорожным путям мы должны добавить и значительно расширившиеся возможности водного транспорта. Прежде всего мы должны указать на освоение Северного морского пути, ведущего от Архангельска к устьям рек Оби, Енисея и Лены. Этим путем в период навигации может поддерживаться морской транспорт не только с северными областями Европейской России, но и с границей.

2. Сообщение к востоку от реки Енисея.

Расстояние от этого рубежа до западной границы Манчжурии, как мы говорили выше, равно 1.800 километрам, до Хабаровска — свыше 3.000 километров, а до Владивостока (по русской территории) — около 4.000 километров (через Манчжурию около 3.000 километров).

На этом огромном расстоянии средством транспорта служит двухколейная железнодорожная линия Красноярск-Чита. От Читы этот путь разветвляется на два рукава: первый — одноколейная железная дорога через Хабаровск до Владивостока, второй — одноколейная железная дорога, связывающаяся на границе с Китайско-Восточной желез-

ной дорогой. По плану второй пятилетки, то-есть, к концу 1937 года предполагено закончить постройкой новую железнодорожную магистраль, так называемую Байкало-Амурскую железную дорогу, которая пройдет значительно выше, к северу, от ныне существующей Амурской железной дороги и свяжет собой Байкальское озеро с нижним течением Амура (точная ее траса нам неизвестна).

Байкало-Амурская железная дорога должна будет связаться с Уссурийской железной дорогой, которая в свою очередь перестраивается на двухколейную.

Таким образом в 1937 году Дальневосточный край удобно свяжется с Восточной Сибирью и составит с ней прочное целое. До этого же времени армии, действующей в районе Хабаровск-Владивосток (Приморье), будет угрожать затруднения при подвозе людских пополнений и многих видов снабжения из Восточной Сибири.

В данное время Дальневосточный край развивает свою индустриальную базу, усиливая разработку каменноугольных и рудных богатств так называемых Зее-Буреинского и Сучанского районов. Сейчас здесь ведется постройка металлургического завода, автосборочного завода и нефтекомбината в Хабаровске. Для облегчения продовольственного вопроса в восточном крае увеличивается добыча рыбы, создается база сахарной промышленности и возводятся предприятия, как пищевой, так и легкой промышленности. Существующая посевная площадь расширяется на 26%, а тракторный парк увеличивается на 52%. Прокладываются новые и ремонтируются старые шоссейные пути для организации автомобильного транспорта.

Положение Приморья значительно облегчилось бы, если была бы создана возможность организовать снабжение частью необходимых предметов продовольствия и тех-

нических средств подвозом из Северо-Американских Соединенных Штатов. Этот вопрос находится в тесной связи с тем отношением Соединенных Штатов, которое они займут к войне между Советской Россией и Японией. Активная помощь Соединенных Штатов Приморью, в виду господства японского флота, потребует само собой разумеется вооруженного прикрытия сообщения между Аляской и Камчаткой и укрепления Алеутских островов (в газетах появилось сообщение о том, что на Алеутских островах уже приступлено к созданию укреплений).

В заключение нужно сказать, что положение советской армии, действующей против японцев непосредственно из Забайкалья, при наличии двухколейного пути до Читы с провозоспособностью, превышающей 40 пар поездов в сутки, можно считать в коммуникационном отношении довольно удовлетворительным. При организации, в дополнение к этому пути, и автомобильного транспорта можно считать, что потребность армии в подвозе будет удовлетворена. Количество русских войск, базирующихся на эти сообщения может быть несколько не меньшим, чем та армия, которую японцы могут сосредоточить в Манчжурии.

Мы рассмотрели, в общих чертах, сырьевые богатства сторон, положение их промышленности и средства сообщения театра военных действий с базами противников. Как вывод из этих весьма важных факторов современной стратегии является заключение, что Россия в навязываемой ей во что бы то ни стало Японией войне может силой оружия защитить свои жизненные интересы на Дальнем Востоке, поставленные под угрозу японской экспансией.

Современная война, в которой будут применяться новейшие технические средства борьбы, обладающие огромной разрушительной силой, теоретически должна нам представляться более скоротечной, чем последняя мировая. Практически же, при упорстве сторон, в особенности России, которая даже в случае неуспеха в начале войны, может организовать борьбу, отступив в глубь территории, Дальневосточная война может принять характер затяжной.

В случае длительной войны (затяжной) сила сторон будет зависеть во многом от их финансовой мощи.

О том, какое финансовое напряжение потребуется для ведения войны, мы можем судить по опыту войны 1914-1918 г.г. Эта война стоила России 22,5 миллиардов долларов, Франции — 25,8 миллиардов долларов, Великобритании — 45 миллиардов долларов. Общий расход на одного солдата в день был равен 7,5 доллара. Таким образом, год войны для каждой стороны в случае, если оне выставят армии в один миллион человек каждая, будет стоить 2,73 миллиарда доллара. Если мы примем во внимание размеры годового народного дохода (России — 18 миллиардов долларов, Японии — 4,5 миллиардов долларов), то можем сказать, что тяжесть расходов на войну будет значительно чувствительнее для Японии, чем для России. С увеличением количеств вооруженных сил и затяжки войны это невыгодное положение Японии будет еще более увеличиваться.

IV. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ И ЯПОНИИ

1. Японская армия.

Общая численность японской армии мирного времени достигает, примерно, 280.000 человек. Высшей войсковой единицей является дивизия, состоящая из 4-х пехотных полков, одного полка кавалерии, одного полка легкой артиллерии, одного инженерного батальона и одного обозного батальона с одной ротой автотранспорта. Всего в дивизии мирного времени около 5.000 человек, военного — около 20.000 человек. Перволинейных дивизий содержится 17 с двумя отдельными бригадами (одна, — два полка, — на острове Формоза и одна, — шесть батальонов, — на южно-манчжурской железной дороге). Помимо 17 конных полков, приданных к каждой дивизии, имеется 8 конных полков, образующих четыре самостоятельных бригады. Вся артиллерия насчитывает 200 батарей, из них одна треть тяжелая. Общее количество орудий около 800 штук. В военное время число орудий может быть доведено до 2.000. Бронетанковые части состоят из двух полков по 180 боевых танков. Предполагается сформировать третий полк из танков, находящихся в Манчжурии (140 танков). Всего танков в данное время имеется около 750. Воздушные силы Японии исчисляются в 2.000-2.100 аэропланов разных типов. Обученный резерв для развертывания частей и пополнений достигает 1,5-2-х миллионов человек. В случае общей мобилизации Япония может развернуть дополнительно к линейным частям 17 резервных бригад второй очереди, а вслед затем развернуть еще 17 бригад третьей очереди. Таким образом Япония в первые месяцы войны может выставить на театр военных действий до 34 пехотных дивизий.

К началу 1934 года Япония имела в Северной части Манчжурии 4 пехотных дивизии (6-ая в Гирине, 8-ая в Харбине, 14-ая в Цицикаре, 7-ая в Хайларе); две пехотные дивизии находились на границе с Китаем и во внутренней Монголии и 2 дивизии в Корее. Следовательно, половина первоочередных дивизий уже расквартирована на возможном театре военных действий.

В случае начала войны на переброску другой половины первоочередных дивизий понадобится около трех недель.

Таким образом, через три недели после мобилизации все 17 пехотных дивизий могут быть сосредоточены в районах развертывания японской армии, в Манчжурии. Необходимо указать, что две дивизии, находящиеся на границе с Китаем, по всей вероятности, должны будут остаться в занимаемом ими районе. Дальнейшее усиление этого заслона будет находиться в зависимости от того, какое положение займет Китай в происходящей между Японией и Советской Россией войне.

Примерно, через три недели от начала войны, то-есть после сосредоточения перволинейных дивизий, может быть начата перевозка семнадцати второочередных бригад. На перевозку их понадобится также не менее трех недель. Прибытие третьеоочередных бригад можно ожидать в половине третьего месяца от начала военных действий.

Кроме этих сил японцы могут располагать армией Манчжуго, которая к началу 1934 года насчитывала, по заявлениям Блюхера, 115 тысяч человек и белогвардейского (по тем же заявлениям) беженского отряда в 12.000 человек.

С половины 1933 года японская армия приступила к своей реорганизации и перевооружению. О размерах этой

реорганизации можно судить по тем расходам, которые отпускаются из государственного бюджета на армию. Этот расход берет свыше 44% общегосударственного бюджета. Предвидится увеличение числа пулеметов, введение новейшего типа орудий, увеличение количества механизированных частей, и т. д., и т. д.

2. Русская армия.

В мирное время в России содержится 562 тысячи линейных войск, сведенных в 72 пехотных и 17 кавалерийских дивизий. Развертывание второочередных дивизий увеличивает почти вдвое это количество вооруженных сил. При затяжке войны и при достаточном времени на обучение новых кадров современная Россия может увеличить свою армию до состава 200 дивизий. Имея ввиду, что западные соседи России (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния) в мирное время выставляют 63 пехотных и 10 с половиной кавалерийских дивизий, советское командование вынуждено будет оставить на западной границе соответствующее количество русских сил.

Задача советской дипломатии в данное время заключается в том, что бы путем соглашения со своими соседями получить возможность снять с западной границы возможно большее количество сил. Дипломатическая активность России, проявленная в последнее время, значительно улучшила ее международное положение на Западе, по крайней мере в отношении Румынии. При данных условиях количество войск, которое должно быть оставлено на западной границе, может быть ограничено 40 пехотными и 7 кавалерийскими дивизиями, остальные 32 пехотных дивизий и 10 кавалерийских дивизий из состава пер-

воочередных частей могут быть предназначены для действий на Дальнем Востоке. В настоящее время, по японским сведениям, на Дальнем Востоке расквартированы следующие части: в районе Владивосток-Никольск-Уссурийск: 4 пехотных и 1 с половиной конных дивизии; между Хабаровском и Благовещенском: 3 пехотных дивизии и 1 кавалерийская бригада; в Забайкалье: 2 пехотных и 1 кавалерийская бригада; всего же 9 пехотных и 2 кавалерийских дивизий. Кроме того, в Благовещенске и Забайкалье собрано 300 танков, а во Владивостоке находится 300 аэропланов (из них 30 бомбоносцев дальнего действия) и шесть подводных лодок, в 500 тонн каждая (в скором времени ожидается присоединение к ним еще 6 таких же лодок). План второй пятилетки включает программу большого военного судостроения, которое должно значительно усилить советский флот. По заявлениям советских руководящих военных кругов современная русская армия является армией техники. Вследствии насыщения армии техническими средствами значительно возросло и количество технических кадров; так половина состава командиров и солдат приставлено к технике и является большими и малыми техническими специалистами. Если к этому числу прибавить еще и пулеметчиков, то окажется, что 70% всего состава армии являются техниками. На театре военных действий советская армия может рассчитывать на содействие дружественной армии монгольской республики, выставляющей 11 кавалерийских дивизий.

Для обеспечения быстроты сосредоточения советской армии дислокация ее в мирное время должна быть организована таким образом, чтобы через три недели от начала войны она имела бы на Дальнем Востоке, по крайней мере, не менее 17 пехотных дивизий, то-есть такое

количество войск, которое было бы равно японским силам, могущим к этому времени прибыть в районы сосредоточения в Манчжурии.

Следовательно, за первые три недели должно быть переброшено около 8 дивизий, на что понадобится, примерно, около 500 поездов, то-есть 24 поезда в день. Принимая во внимание, что провозоспособность сибирской железной дороги на много превышает это количество поездов, нужно думать, что эта дорога с поставленной ей задачей справится. Последующие перевозки войск могут вестись в соответствии с перевозками японских частей. В виду того, что предстоящая война не будет неожиданностью для сторон, нужно полагать, что уже и в данное время производится нужное изменение дислокации русских войск и накопление разного рода запасов в надлежащих местах недалеко от вероятных районных действий. При этих условиях можно будет большую часть железнодорожного графика предоставить для перевозки войск и тем самым добиться численного превосходства над противником в начальный период войны.

V. ВОЗМОЖНЫЕ ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЯ СТОРОН

При самом беглом взгляде на карту Дальнего Востока не трудно различить два важнейших операционных направления японской армии. **Первое**, имеющее целью овладение русским Приморским краем, **второе**, главное, имеющее своей целью нанесение решительного удара главным русским силам, сосредотачивающимся в Забайкалье и базирующимся на огромные пределы Сибири и Европейской России.

Ближайшими этапами японской экспансии на континенте являются: прочное утверждение на северной части западного берега Тихого океана, овладение нефтяными резервами на острове Сахалине и рыбными промыслами на Охотском море. Достижение этой задачи, в связи с нанесением русским войскам чувствительного урона, могло бы на первое время удовлетворить японские замыслы и развязать им руки для дальнейшего развития своего плана по освоению Китая. Только при условии, что Россия не примирится с потерей Приморского края и предпримет наступательные операции для его возврата, Япония будет вынуждена направить свой удар в сторону Забайкалья.

Поэтому развитие военных действий в этом направлении будет зависеть от твердости решения современного правительства России отстаивать российские владения на Дальнем Востоке, другими словами оно будет зависеть от того, захочет ли это правительство выполнить возлагаемую на нее русской историей миссию — защищать огромные и богатые русские владения на Дальнем Востоке? Защита этих владений императивно диктуется историей, так как их огромные пределы именно теперь начинают служить народам России, как резервуар природных богатств, на основе которых может развиваться благосостояние страны. Имеются также и неоднократные заявления современного правительства об его категорической готовности вести борьбу за сохранение русских Дальневосточных владений. Раз это так, то независимо от исхода борьбы в Приморье, военные действия в Забайкальском районе становятся неизбежными. **От исхода борьбы на этом направлении будет зависеть окончательный результат второго русско-японского вооруженного столкновения.**

Таким образом, Забайкальский район приобретает значение главного, а Приморский второстепенного, то-есть такого района, в котором возможен временный неуспех русского оружия, не влекущий за собой, однако, окончательного решения войны.

Объективно, благодаря охватываемому начертанию русско-манчжурских границ, японская армия будет находиться в менее выгодном положении, по сравнению с армией своего противника. Она с самого начала войны оказывается в положении стратегического окружения, как будто втянутой в мешок. В таких условиях возможны действия по, так называемым, внутренним операционным линиям. Особенность подобных действий заключается в том, что находящийся в центре противник, выставляя в какомнибудь направлении сравнительно небольшие заслоны, обрушивается всеми своими главными силами против войск противника, расположенных в другом направлении, стремясь сокрушить его силы по частям. Само собой понятно, что эти действия должны быть основаны на быстроте маневрирования и внезапности нападений.

Таков был излюбленный маневр Наполеона, когда он вынужден был вести борьбу с коалицией нескольких государств. В наше время этот маневр, конечно, возможен, но сопряжен с значительной потерей времени. Атакованный противник на хорошо укрепленных позициях имеет возможность, пользуясь современными средствами обороны, будучи даже численно слабее, надолго задерживать наступление неприятеля. Таким образом, в современных условиях действия по внутренним операционным линиям не могут протекать с нужной быстротой, без которой становится невозможным, по-наполеоновски, быть сильнее противника на решительном пункте борьбы.

Посмотрим каково же будет положение японцев в Манчжурии. По начертанию железно-дорожной сети Манчжурии мы можем заключить, что вероятным районом сосредоточенья японской армии явится район Таоан-Цицикар-Хайлун-Харбин-Гирин.

Этот район отстоит от границы:

на запад, — к станции Манчжурия, — в 700 километрах;

на север, — к Благовещенску, — в 300 километрах;

на северо-восток, — к Хабаровску, — в 750 километрах;

и на восток, — к Владивостоку, — в 400 километрах.

Только в двух из указанных направлений к границам России идут железно-дорожные линии, именно одна линия на запад, — к станции Манчжурия, — и две, — к Владивостоку. Таким образом, удаленность японских войск от возможных объектов их нападений достаточно велика для того, чтобы позволить им ограничиться слабыми заслонами на каком-либо из этих направлений. Японское командование будет вынуждено выставить на каждом из этих направлений достаточно крупные силы, способные длительное время выдерживать борьбу с противником. В условиях северо-манчжурского района военных действий выдвижение русских войск в двух направлениях: 1) со стороны Забайкалья на фронт Цицикар-Чанчунь, 2) со стороны Владивостока на запад, — к Хойрену, — уже предрешает исход войны, так как в этой обстановке японская армия лишается большей части своих коммуникационных линий. Для того, чтобы иметь возможность продолжать войну и далее она должна будет заблаговременно отойти далеко на юг от этого района. С целью избежать этого положения японцы должны будут

прочно удерживаться и быть сильными на всех направлениях. При этих условиях исчезает понятие действий по внутренним операционным линиям. Действия японской армии должны явиться сочетанием оборонительно-наступательных операций, при которых победа достигается общими факторами, обеспечивающими превосходство над противником и следовательно одинаково доступными каждой из сторон. Сюда входят факторы материального порядка: численность войск, количество и качество вооружений, полнота и бесперебойность снабжения армии всеми нужными ей предметами, духовно-полководческие способности начальников, степень подготовки войск и их дух, выражающийся в стойкости и упорстве в борьбе.

Теперь перейдем к более детальному рассмотрению возможных операционных направлений японской и русской армий.

Начнем с японской, потому что инициатива войны будет принадлежать ей, как стремящейся активно добиться своих целей.

Как мы раньше уже указывали, одной из ближайших целей войны Японии является овладение русским Приморьем, то-есть пространством, включающим Владивосток, Никольск-Уссурийск, нижнее течение Амура от Хабаровска и северную часть Сахалина, с ее запасами нефти. Важнейшим объектом действий японцев здесь должен послужить участок Никольск-Уссурийск-Владивосток, как непосредственно висящий на кратчайших путях сообщений Японии с Манчжурией. Очень известный японский военный писатель Хирата в журнале «Кайдзо», в ноябре

1933 года, расценивает обороноспособность Приморья высоко, благодаря наличию сильных естественных преград и оборонительных полос, с бетонными укреплениями, которые он считает превосходными.

«Владивостокская крепость, — говорит он, — являющаяся самым важным стратегическим пунктом, не только велика по размеру, но и окружена многочисленными укреплениями, почему для захвата ее потребуются не мало времени».

Если к этому мы добавим, что этот район является местом сосредоточенья крупных воздушных сил, которые отсюда могут угрожать, как району сосредоточенья японцев, так и правильному функционированию портов Расин и Сейсин (отсюда же русская авиация может предпринять бомбардирование и самой Японии), то для нас станет ясным, что борьба за овладение этим важным участком театра военных действий будет задачей крупной. Для облегчения этой борьбы японцам понадобится, прежде всего, изолировать Приморье от его основной базы, то-есть прервать сообщения по Амурской железной дороге. Судя по начертанию железнодорожной сети Манчжурии, японцы будут стремиться выполнить эту задачу на участке между Благовещенском и устьем реки Сунгари. Нужно заметить, что с проведением Байкало-Амурской железной дороги (что может быть достигнуто к концу 1936 года) задача по изоляции Приморья от его базы будет для японцев вообще труднодостижимой.

Нет никаких оснований предполагать, что японцам удастся овладеть Владивостокским укрепленным районом открытой силой. Нужно думать, что им придется или приступить к его осаде, или ограничиться блокадой. Сила залона, который японцам придется выставить к северу, в

сторону Хабаровска, будет зависеть от того, удастся ли японцам окончательно перерезать путь, о котором только что мы говорили, или нет. Есть мнение, что эта задача будет достигнута захватом или Благовещенска, или Хабаровска. Но овладение этими пунктами уже само по себе представляет серьезную стратегическую задачу, которая потребует много сил и времени.

Во всяком случае, при условии, что советскому командованию удастся сосредоточить к Востоку от Благовещенска до 10 дивизий, опирающихся на ряд укрепленных линий, японцам придется выставить для наступательных действий в Приморском районе не меньше полуторного количества своих сил.

Приковывание таких сил к Приморскому району, по существу не главному, может оказаться роковым для японской стратегии. Главные силы советских войск, сосредотачивающиеся в Забайкалье, могут использовать разбросанность японцев, сломить сопротивление их заслонов, выставленных на западной границе Манчжурии и выдвинуться за Большой Хинган, то-есть подойти на 250-300 километров к той стратегической зоне Цицикар-Таоан-Харбин, в которой проигранное генеральное сражение уже предрешает исход войны. Отсюда ясно, что японцам нет никакого смысла втягиваться в длительную борьбу по овладению Владивостокским укрепленным районом, вводя в нее значительные силы. Вероятнее всего предположить, что японское командование сразу же выдвинет большую часть своих сил на забайкальском направлении, а в Приморском районе ограничится обороной.

Цитированный выше Хирата в той же статье излагает ряд соображений по поводу предстоящей войны с Россией. Он говорит:

«Даже по грубой оценке стратегическое положение нашей армии ни в коем случае нельзя назвать выгодным для нас. Недостаток сил в большой мере свяжет действие нашей армии в начальный период войны. Если это соотношение сил сохранится до 1936 года, то советская армия, благодаря своему охватывающему по отношению к Манчжурии положению сможет соответствующим образом использовать свою мощь».

В начале войны он ожидает прежде всего —

«самого смелого наступления воздушных и кавалерийских советских групп».

Объектами действия этих групп явятся:

«не только наши передовые линии, но и стратегические пункты: Хайлин, Станция Манчжурия, Хайлун, Ранам, Хойрен, а также Харбин, Чанчунь и Расин».

Хирата далее заявляет, что до сосредоточения и развертывания обеих армий (на что по его мнению нужно две-три недели) будут иметь место лишь «случайные бои», при том условии, что через три года (то-есть в 1936 году) авиация советской армии не усилится и сохранится существующее теперь соотношение сил».

Дальнейшие действия, по предположению Хирата, будут развиваться в форме встречных пограничных боев на трех направлениях: Хайларское, Приморское и Благовещенское. Последнему направлению он не придает серьезного значения; в Приморье он предвидит позиционный образ действий. Наибольшее его внимание привлекают встречные бои в районе Хайлара. Рассматривая оперативные и тактические доктрины русской армии, он приходит к выводу, что

«никто не может отрицать того факта, что в советской армии изучение ведения встречных боев поставле-

но очень серьезно. Неизвестно, на чьей стороне будет победа, в случае, если произойдет крупный встречный бой на Хайларском направлении».

Он старается выяснить, как будет развиваться война, если японцам удастся в сражении под Хайларом одержать успех, и заставить русские войска отойти к Чите. На этот успех он рассчитывает, во-первых, потому, что японская армия будет иметь возможность быстрее закончить свое сосредоточение (2-3 недели), и во-вторых, потому что происходящее в данное время перевооружение значительно повышает боеспособность японских войск.

В этот период он рассматривает две возможности:

1) Быстрое продвижение японских войск и захват ими Читы и Иркутска. Так как эти пункты не являются жизненными центрами страны, то он считает маловероятным, что с потерей их русская армия утратит волю к войне. Поэтому по его мнению японцы должны быть готовы в несколько недель продвинуться в центр Сибири — к Красноярску. «Нашим стратегическим объектом является центральная Сибирь», заявляет он.

2) В случае, если японская армия не будет в состоянии произвести быстрое наступление вглубь Сибири, и быстро покончить с советской армией рядом сокрушительных ударов, ей придется, — пишет Хирата, — перейти к войне на «измор». Тогда война затянется, по крайней мере, на 2-3 года, а мобилизуемых войск потребуется не меньше 3 миллионов.

По мнению Хирата советское правительство не сдастся, кроме как в следующих случаях:

1) если индустриальная мощь России окажется недостаточной и выявится невозможность ведения войны на «измор»;

2) если произойдет в стране противоправительственное движение, то-есть, если в стране возникнут такие же беспорядки, какие имели место в 1905 году, и

3) если на западной границе начнется крупная война во главе с одним из сильных буржуазных государств, превосходящая по размаху Дальневосточную. Тогда русская армия окажется в неблагоприятном положении.

Теперь посмотрим, какой образ действий и какие оперативные цели могут быть приняты русским командованием в случае Дальневосточной войны.

Прежде всего встает вопрос о возможном сроке начала этой войны. Перевооружение японской армии заканчивается в 1936 году. Вторая же пятилетка заканчивается в 1937 году. За этот период должна быть значительно расширена индустриальная база России, разрешены проблема транспорта и проблема производства легкой промышленности, одним словом, должны быть разрешены главные большие вопросы русской действительности. Для Японии, если она решается на войну с Россией, выгоднее всего начать ее тогда, когда она закончит свое перевооружение, чтобы атаковать Россию раньше окончания второй пятилетки, то-есть не позднее 1936 года. Следовательно, к этому сроку Россия и должна быть готова встретить нападение японцев и разрешить удовлетворительно ряд главных вопросов, которые обеспечили бы командованию свободу действий и постановку решительных операционных целей.

Для России навязываемая Японией война является войной оборонительной. Это, конечно, не значит, что цели этой войны должны быть достигнуты тактикой оборонительных операций.

Наоборот, охватывающее положение российских границ дает возможность русским войскам наступательными действиями выйти к коммуникационным линиям японской армии, как с запада так и с востока. Обширность фронта борьбы позволяет в большой степени использовать стратегические маневры. В этом отношении японская армия имеет меньшую свободу выбора в приемах борьбы. Для нее, например, в пределах манчжурского театра военных действий почти исключено стратегическое отступление, так как всякая потеря первоначальных позиций сокращает расстояние противника от японских коммуникационных линий. По существу японцы могут прибегать здесь только к наступательным или оборонительным маневрам, но ни в коем случае к отступательным. Этим и объясняется тревога Хирата за исход Хайларских боев. Мы уже говорили раньше, что современная стратегия помимо железных дорог для переброски войск и снабжения армии может и должна использовать автомобильный транспорт. В данном случае русской армии для ее наступательных действий из Забайкалья придется в широких размерах использовать это новое средство стратегии, воспользовавшись подготовляющимися теперь японцами стратегическими грунтовыми путями, особенно в направлении Солун-Таоан.

Взгляд на карту Манчжурии ясно указывает, что одним из важнейших операционных направлений русской армии является направление вдоль Китайско-Восточной железной дороги, на фронт Лаха-Цицикар-Таоан.

Здесь, конечно, должны быть двинуты главные силы русской армии, поддержанные массой механизированных частей и конницы. Успех, достигнутый на этом направлении, приближает русские войска к коммуникационным линиям японцев, отходящим от Цицикара и Харбина на юг.

Со стороны Приморья в начальном периоде войны, когда Приморье несомненно подвергнется атакам японских войск, придется ограничиться оборонительными действиями. Воздушные силы, сосредоточенные в этом районе, должны будут проявить активность на коммуникационных линиях японцев, отходящих от портов Расин и Сейсин, а также и в районе сосредоточения японской армии.

Опираясь на искусственные укрепления, сосредоточенные здесь русские войска могут выдержать длительную оборону, которая может быть поддержана наступлением войск из района Хабаровска. Отсюда наступление может быть организовано в полосе, ограниченной реками Сунгари и Уссури. Если японцы под давлением наступления значительных сил со стороны Забайкалья вынуждены будут снять часть своих сил с Приморского фронта, то русские войска могут перейти в наступление в направлении к порту Расин и к железно-дорожной линии Расин-Лафа для овладения портом и упомянутой железно-дорожной линией.

Таким образом, русские войска, расположенные в Приморье, в зависимости от обстоятельств могут развить, кроме оборонительных действий, и широкую наступательную активность. Во всяком случае, наличие русских сил в Приморье заставит японцев выделить крупные силы для прикрытия своих коммуникаций. Приморский район при возможности накопления в нем превосходящих, по сравнению с японцами, сил может послужить и исходным

районом для нанесения решительного удара в сторону Харбин-Лафа-Гирин.

Оборона русских границ на участке к западу от Благовещенска, — благодаря наличию реки Амура и крайне гористому характеру местности, отличающемуся отсутствием путей сообщения, затрудняющему действия здесь крупных японских сил, — особых трудностей не представит. Для обороны реки Амура, ниже Благовещенска до Хабаровска, должна быть использована амурская речная флотилия. Ввиду большой ширины реки Амура и возможности с помощью воздушной разведки наблюдать движение японцев, войска, обороняющие этот участок, могут своевременно принимать соответствующие меры, которые воспрепятствуют японцам переброску больших сил на северный берег Амура. Наиболее угрожаемым участком на Амуре является участок от устья реки Сунгари до Хабаровска. Поэтому для его обороны должны быть сосредоточены более крупные силы. Эти силы, в случае отсутствия японского сопротивления, могут быть брошены, как было выше сказано, на усиление активности русских войск, действующих у Владивостока и к северу от него.

Задача обороны Сахалина вследствие господства японского флота сопряжена с большими затруднениями, исход ее будет зависеть от того количества войск, которое японцам удастся выделить для этой цели. Во всяком случае, советскому командованию предстоит обеспечить поддержку частей, обороняющих Сахалин, со стороны континента. Татарский пролив, отделяющий Сахалин от континента, вероятно будет огражден минными заграждениями от попыток японского десанта, который мог бы быть направлен в устье Амура.

Рассмотревши вопросы: базирования, коммуникационных линий, сроков сосредоточения армий и возможные операционные направления каждой из сторон, мы можем прийти к следующим заключениям:

1) Россия имеет все виды сырья, нужные для ведения войны и обладает промышленностью для производства всего необходимого для снабжения войск. Япония, имеет высоко-развитую военную промышленность, бедна запасами сырья и уступает России в области общей металлургии и машиностроения. Благодаря этому, она по использованию накапливаемых ею сейчас резервов сырья и технических средств, будет зависеть во многом от иностранного и манчжурского импорта. В случае войны на «измор», как об этом говорит Хирата, Япония может оказаться в менее благоприятном положении, чем Россия.

2) Человеческие резервы одной и другой стороны огромны. Они позволят им длительное время «питать войну».

3) Расстояние театра военных действий от промышленных баз воюющих сторон будет примерно одинаково.

4) Япония имеет преимущество перед Россией в смысле меньших расстояний, на которые придется перевозить людские пополнения, так как главным источником пополнения людских потерь русской армии будет служить Европейская Россия.

5) Начертание границ с Манчжурией дает возможность России с самого начала войны избрать такие операционные направления, которые после первых успешных больших сражений поставят под угрозу пути отступления всей японской армии. Невыгоды России состоят в большой удаленности приморского района от основной базы. Поэтому для обороны этого района придется заблаговремен-

но заготовить значительные резервы необходимых видов снабжения войск и вместе с тем заблаговременно же сосредоточить в нем силы, достаточные для упорной борьбы.

6) В силу размеров театра военных действий и невозможности для обеих сторон выставить сплошные фронты, война будет носить маневренный характер, при котором получают огромное значение полководческие способности начальников и военная подготовка войск. В этом отношении у нас нет оснований уменьшать шансы какой либо из сторон. *)

7) В случае затяжки войны на длительный срок, окончательный ее успех будет зависеть от экономической мощи воюющих сторон и вообще от наличия запасов сырья и состояния народного хозяйства, а также и от устойчивости социальной структуры государственных организмов.

Мы постарались объективно рассмотреть главнейшие условия обстановки, в которой будет протекать, с точки зрения стратегии, возможная русско-японская война. Мы

*) «В этом отношении красная армия, — говорит б. наркомвоен Л. Троцкий (в ряде интересных статей, печатавшихся во французской газете «Энтраисижан») превосходит сейчас японскую приблизительно в такой же пропорции, как японская превосходила царскую в 1904-1905 г.г.». Не менее любопытно и следующее соображение Л. Троцкого: «Токио до сих пор еще не решилось на вооруженный конфликт с СССР. Каждый год изменяет соотношение сил в пользу СССР, против Японии. Уже создание военной и промышленной базы в Кузнецке освобождает дальне-восточный фронт от необходимости опираться исключительно на европейский тыл». Огромное значение в исходе войны Л. Троцкий придает советской авиации, которая «имея пре-

воздерживаемся от предсказания успеха какой-либо из воюющих сторон. Ибо, в конечном счете исход войны зависит от сочетания бесчисленных факторов, между которыми находится быть может и самый главный, а именно «Его Величество случай», который не поддается заблаговременному предвидению. На стороне Японии, как нападающей и вследствие этого обладающей инициативой начала войны, имеется одно из огромных преимуществ: возможность неожиданно и без объявления войны произвести нападение своим воздушным флотом на самые жизненные центры своего противника на театре военных действий, и тем самым сразу расстроить его оборонительную и наступательную силу. Это преимущество японцев, конечно, уменьшается тем, что благодаря длительной напряженности в ожидании войны у советского командования имеется возможность организовать зоркое наблюдение за всем, что происходит у противника и тем самым парализовать главный шанс неожиданного нападения — внезапность.

В заключение, мы можем привести несколько слов г. Нагаока, знатока положения в Азии, высказанных им в газете «Осака-Майници», в марте сего года:

красные базы в Приморской области, может уничтожить крупнейшие центры противника». «В предполагаемой воздушной дуэли технические и материальные преимущества бесспорно на стороне советской авиации. Но ей на помощь приходит и география. Все крупные центры Японии открыты для воздушного нападения; японские авиаторы не могут лететь без спуска не только до Москвы, но и до Кузнецкого бассейна (6.000-7.000 клм). Зато ни в Приморском крае, ни в Восточной Сибири нет таких крупных жизненных центров, разрушение которых могло бы стать решающим или даже сколько-нибудь существенным для исхода войны». (От редакции).

«Военные силы Советской России значительно превосходят в настоящее время силы японской армии. Особенно важно учесть, что современная война является научной войной, и как бы хорошо ни была проведена тренировка наших войск, идеологически они не могут побороть сил химии, физики и математики. Рассчитывать на победу в рукопашном бою против прекрасных аэропланов, танков, пулеметов и т. д., будет неразумным требованием к войскам, как бы храбры они ни были».

Федор Махин.

Национал-социализм и Россия

«Организация русского государства не была результатом государственно-политической способности славян в России, а блестящим примером государственно-творческой деятельности германского элемента среди нисшей расы». (Гитлер: «Mein Kampf», стр. 742).

«Национал-социалистическое движение имеет миссию создать в нашем собственном народе политическое убеждение в том, что он должен видеть осуществление своих будущих целей не в каком-нибудь новом походе Александра Македонского, а единственно в полезной работе немецкого плуга, которому меч должен только приобрести ниву...».

«Будущей целью нашей внешней политики не должны быть: ни западная, ни восточная ориентация, а лишь одна восточная политика, в смысле приобретения необходимой земли для нас, для немецкого народа». (Гитлер: «Mein Kampf», стр. 743 и 757).

Все без различия немецкие партии недооценивали своего противника, и серьезно его поняли только тогда, когда уже было поздно, за что и поплатились своим существованием. Демократические и республиканские партии

и, особенно социал-демократы, рассматривали Гитлера и национал-социализм исключительно или с комической или с моральной стороны, видели только симптомы и недостатки этого движения и верили, что, борясь символами против симптомов, могут победить его. Еще комичнее вели себя националистические правые организации, и представители тяжелой индустрии и крупного землевладения. За свой успех Гитлер, главным образом, должен быть благодарен их деньгам и поддержке их печати. Этим покровителям и добровольным помощникам Гитлер казался чрезвычайно подходящим орудием для их эгоистических целей, орудием, которое они после использования, могли бы, в любое время, опять бросить в угол. Генерал Шлейхер, вождь некогда всемогущего райхсвера, позднее канцлер Райха, должен был за свою наивную веру поплатиться жизнью. Нисколько не лучше успел и Гугенберг, магнат печати и диктатор немецко-националистической партии, равно как и полковник Дистерберг, вождь «Стального Шлема», крупнейшей правой организации, охватывающей около полумиллиона хорошо организованных членов. Шлейхер, Гугенберг и Дистерберг подготовили путь Гитлеру. Было ли неблагодарностью с его стороны то, что он, захвативши власть, отбросил остальных в небытие, и уничтожил?

Бывшие вожди немецких республиканцев и социал-демократов говорят, что да, и, совместно с устраненными и осрамившимися коллегами справа, вопиют к небу о том, что только в нашем несовершеннейшем из всех миров возможен подобный верх неблагодарности и несправедливости. Они жалуются на неблагодарность и мелочность народа, перечисляют все, что они сделали и дали, и перечисляют также нарушенные Гитлером обещания. Но в

то же время они забывают, что их теперешние обвинения стоят ровно столько же, сколько и те их тирады, которыми они некогда думали воспрепятствовать Гитлеру захватить власть.

Нет ничего более смешного в политической деятельности, чем оценка победителя и завоевателя моральной мерой слов, или суждениями об его вреде или пользе. Гитлер нисколько не «неблагодарнее» и не «несправедливее», чем любой победитель. Гитлер был и остается только исключительно последовательным и верным своей идее и целям своего движения. Перед этим теряют всякий смысл те или иные польза или вред!

Психологической причиной катастрофы немецкой республики и ее политических партий, является то, что они не знали ни этой идеи, ни этих целей, и над всем этим издевались, как над утопическим сумасшествием. В этом именно заложено начало их гибели. Это в одно и тоже время и напоминание, и предупреждение всем тем, кто не сегодня-завтра столкнется с проблемой Гитлера и национал-социализма.

Особенно же это напоминание полезно тем русским, которые говорят о гитлеризме, не зная его сущности. Национал-социализм и Гитлер не являются больше только партией и ее вождем, идеей и ее теоретиком и пропагандистом. Гитлер сейчас неограниченный диктатор народа численностью в 65 миллионов, живущего в стране, индустриальная мощь которой равна, по крайней мере, индустриальной мощи целой остальной Европы, стране, которая так подняла свое сельско-хозяйственное производство, что в случае войны будет в состоянии сама снабжать свое население военным рационом. Гитлер диктатор народа, организационной способности, храбрости и изобре-

тательскому духу которого мы все удивлялись во время 1914-1918 г.г., в плоть и кровь которого заложена военная традиция и которому нет равного в ней и слепой послушности.

Эта страна — от Констанцы до Киля, от Кельна до Кенигсберга, и этот народ — от ребенка до старца, насыщены теперь, как губка, национал-социализмом. Существует только один человек, который приказывает, и только одна, единственная идея, — национал-социализм, — владеет гражданами и солдатами, печатью и радиофонией, учениками и учителями, мужчинами и женщинами. Эту идею необходимо знать, чтобы понять существо вопроса, о котором говорит заглавие настоящей статьи.

Национал-социализм есть воплощение принципов «вождя». Существуют и виц-вожди для каждой области. Эти виц-вожди только орудия и средство, их можно назначать и прогонять. Лишь один неприкосновенен: — вождь — Гитлер.

Он в то же время и идея. Его слово есть приказ, против которого не может быть возражений. Его книга «Моя борьба» (Mein Kampf) — библия национал-социализма. Поэтому она и должна быть основой для наших рассуждений. Рядом с ней мы ставим только одну и единственную книгу: «Миф двадцатого века» (Der Mythos des 20. Jahrhunderts) Альфреда Розенберга, так называемого «папы третьего Райха». Как Гитлер и Розенберг взаимно дополняют друг друга, так и их круги составляют вместе одно целое. Как нельзя себе представить «Мою борьбу» без «Мифа», так нельзя себе представить и Гитлера без Розенберга. Все мысли, теории и выводы этих двух книг совпадают вполне и дословно. Гитлер точно также легко мог бы быть автором «Мифа», как Розенберг

автором «Моей борьбы». Сентенции и изречения, которые Гитлер приводит в доказательство своих взглядов, цитирует и Розенберг, целые отделы одной книги ни на волос не отличаются от известных отделов другой. Чего недостает в одной книге, дополняется другою. Обе книги в действительности одна и та же книга, состоящая из двух частей. Оба эти произведения несомненно родились в одной голове, а эта голова называется Альфред Розенберг. Гитлер — его рука, его агитатор. Это, конечно, несколько не унижает Гитлера и не умаляет его способностей. Наоборот. Это только доказывает его исключительные способности и его значение, также как и то, что он был в состоянии вполне овладеть идеей, ей подчиниться и ей служить.

«Миф» и «Моя борьба» одно произведение также, как Розенберг и Гитлер: голова и рука. Теоретик и агитатор, изобретатель и фабрикант. Один и другой абсолютно необходимы для производства, совершенно вне зависимости от того, у кого первоначально родилась мысль и кто дал первый импульс. Правда, в данном случае эта идея, как бы, висела в воздухе, экономическая и социальная почва уже была создана для национал-социализма, духовными отцами или восприимчивыми которого, если так можно выразиться, были другие, уже овладевшие государствами диктаторы и в первую очередь Муссолини. Но несмотря на все это современный национал-социализм без Гитлера и Розенберга не может быть себе представлен.

Как далеко идет разделение труда у этих двух людей и что они охватывают своими книгами, ясно видно из следующих примеров. Нет ни одной области в жизни народов и личности, которую бы Гитлер и Розенберг не рас-

смастривали и которой бы они не занимались. Но, как бы ни были важны для Германии и для самой будущности национал-социализма вопросы католицизма, Гитлер касается их в «Моей борьбе» лишь только вскользь. И как католик, и как диктатор, он обходит их. Он только не желает ничего слышать о священниках в политике и об использовании церкви и амвонов для политических целей. Между тем, то, чего не говорит Гитлер, но что ясно показывает противоцерковная и противокатолическая политика современного национал-социализма, мы можем найти в исчерпывающей форме в «Мифе» Розенберга. У него почти нет ни одного предложения, которое не было бы направлено против католицизма, против папского Рима и против «ожидовленного» христианства, в котором он видит вековое несчастье германской расы и Германии. Поэтому Розенберг требует немецкого бога и немецкую национальную церковь. Точно такое же искусное разделение труда мы видим и в женском вопросе и в вопросе **России и Славянства**. Бывший русский подданный и русский студент, рожденный в Прибалтике, Розенберг, правда, отвергая русских, и как рассу, и как людей, не делает из этого конкретных политических заключений в своем «Мифе». Розенберг здесь удовлетворяется несколькими смелыми намеками, а всю остальную аргументацию оставляет «Моей борьбе» Гитлера. «Моя борьба», действительно, этим вопросом занимается основательно. Пробел, который вызывает любопытство читателей «Мифа», Розенберг заполняет примечанием внизу страницы, в котором он отправляет читателя к книге Гитлера, «Моя борьба», где этот вопрос, — пишет Розенберг, — разработан «в самой ясной форме». Таким образом, Розенберг в политических вопросах Востока открыто ссылается на Гитлера и

с ним во всем соглашается, а что Гитлер думает и намеревается делать, мы уже видели из эпиграфа к этой статье.

«Восточная политика в смысле приобретения необходимой земли для нас, для немецкого народа». Являются ли эти слова теоретическим украшением, агитационным обещанием немецкому крестьянину, ощущающему земельный голод, или они выражение ненависти Гитлера и Розенберга, которой они проникнуты до мозга костей к «марксизмо-большевизму», или быть может национал-социалистический вождь верит в какой-то крестовый поход Европы против большевистской России, за который Германия могла бы получить свое вознаграждение в виде права на вооружение и в виде пересмотра Версальского договора?

Все эти вопросы ставились в течение последних лет и на все даны были утвердительные ответы. Во всех соображениях о движении на Восток, о «Drang nach Osten» национал-социализму подбрасывались различные основания. Но почти никогда идеи и цели национал-социализма не были серьезно поняты и рассматривались только, как прикрасы для демагогической внутренней агитации. Это — катастрофическая ошибка, точно такая же, как и та, которую совершили немецкие партии по отношению к национал-социализму до захвата им власти. Шлейхер и Гугенберг были одушевлены, увидев слово «национал». Социал-демократы, в свою очередь, надеялись оторвать от Гитлера массы и удовлетворить их тем, что национал-социалистам, сохранившим на средства индустрии и крупных аграриев, прицепят кличку «наемников капитала».

Между тем, не взирая на то, что берлинское Вильгельмштрассе (министерство иностранных дел) заключает торговые договоры со Сталиным и десятилетний пакт о ненападении с Польшей, «Моя борьба» и «Миф» продолжают печататься и дальше, и распространяться, без каких бы то ни было изменений; точно также остается без изменений и самая идея национал-социализма.

Именно этой идее, а не каким-либо программным пунктам, или каким либо политическим событиям и посвящен настоящий очерк.

Какова же эта идея и каковы ее цели?

Издавна человечество делится на разные расы. Раса тоже самое, что кровь, она — «миф» крови.

«Историей и задачей будущего являются больше не борьба класса против класса, или борьба одной церковной догмы с другой, но столкновение крови с кровью, расы с расой и народа с народом. А это означает — схватку одних душевных ценностей с другими. Но эти ценности расовой души, которые как движущие силы стоят позади образа нового мира, не претворились еще в живое сознание. Душа это — раса, рассматриваемая изнутри. И наоборот, раса есть внешняя сторона души. Пробудить к жизни расовую душу — значит познать ее самую ценность, и под ее руководством отвести другим ценностям их органические места в государстве, искусстве и религии. Задача нашего века заключается в том, чтобы из нового жизненного мифа создать новый тип человека». (Розенберг).

То же самое говорит и Гитлер, то же самое сотни раз повторяют Гитлер и Розенберг в разных вариациях.

Раса таким образом есть кровь и душа. Раса есть миф крови и души. Кровь и душа составляют миф расы.

Каждая кровь имеет свои особенные свойства и ценности. Но точно также и душа имеет свои структурные особенности и свой собственный характер. Этим отличаются расы одна от другой.

Арийская, — германская или северная, — раса превосходит все остальные расы. Внешне ариец отличается от других: чистой, белой кожей, русыми волосами и голубыми глазами.

Однако, эти внешние отличия не могут быть всегда показательными. Кровь и душа много важнее, чем они. Ибо кровь и душа окончательно определяют человека и его расовую принадлежность. Арийская кровь и душа являются драгоценнейшими, совершеннейшими и «наиболее полными ценностями» из всех, созданных природой.

Поэтому арийский, германский или северный, человек возвышеннее и совершеннее всех других человеческих существ, то-есть полноценный человек. Природа определила каждой расе свое значение и свою роль. В Арийце и Германце, она достигла своего полного выявления. Поэтому-то арийско-германо-северная раса и находится во главе человечества. Так говорит Розенберг, так говорит и Гитлер (на стр. 317 и 318 «Моей борьбы»):

«Вся человеческая культура и все результаты искусства, науки и техники, которые мы видим теперь перед собой, являются почти исключительно продуктом творчества арийцев. Именно этот факт позволяет нам прийти к совершенно оправданному выводу, что ариец был вообще единственным основателем высшего человечества и поэтому он является прототипом того, что мы разумеем под словом «человек». Он — Прометей человечества, из чьего светлого чела на протяжении всех времен

излучалась божественная искра, всегда наново возжигавшая пламень сознания, освещающего сумрак молчаливых тайн и тем открывающего человеку путь к господству над другими существами нашей земли. Если бы исключили его (арийца), — то вероятно за несколько тысячелетий густая тьма вновь окутала бы землю, исчезла бы человеческая культура и мир превратился бы в пустыню».

Читатель здесь спросит, как же обстоит дело с культурным творчеством персов, греков, египтян, индусов, мавров, старых римлян, французов и т. д.?

Гитлер и Розенберг сто раз повторяют один и тот же ответ, который составляет основу их учения: персы были арийцы, и все что дали и создали мавры, Ислам и весь Восток, этим они обязаны персидским арийцам. Гомеровские греки были арийцами и весь эллинизм является арийско-германско-северной культурой. Рим был основан арийцами, и до тех пор пока в нем преобладала арийская кровь, он шел вперед. Тоже самое было и с Индией, и с Францией, и с целой Европой. По Розенбергу (стр. 70) Данте был никем иным, как германцем, точно также как им был и Иисус Христос (стр. 27), происшедший от северных аморитян, основателей Иерусалима. На страницах 70-85 Розенберг излагает с чрезвычайной ясностью, почему эти старые народы, культуры и государства погибли, и почему должны были погибнуть, и почему, наконец, Германия проиграла войну 1914-1918 г.г.: государства, народы и культуры гибнут из-за единственного существующего первородного греха: из-за «греха против расы» или как говорит Гитлер: «греха против крови и души».

Арийская раса потому самая возвышенная, что вы-

ражением ее крови и ее души, определяющими все остальное, являются: **борьба, честь и воля**. Ни одна другая раса не обладает честью и волей, как наивысшими благами крови и души. Поэтому-то все остальные расы бесплодны и суть нисшие расы. Самыми низкими, — антиподами арийской расы, — являются евреи. Нет тех низостей и нет той подлости, которых у них нельзя было бы найти. Они источник всего грязного, они отбросы человечества.

В случае смешения представителей высшей расы с нисшей возникает презренная и бесполезная убудочная смесь. При этом всегда страдает высшая раса, теряющая свои лучшие особенности и, наконец, гибнущая. Постоянным несчастьем германцев: и в Персии, и в Индии, и в Греции, и старом Риме, на западе и на востоке, было то, что они после известного времени смешивались с покоренными туземцами и приходили в убудочное состояние. Погибала раса, а вместе с ней культура и, наконец, государство и нация.

«Прекраснейшей мечтой северного человечества была его мечта в Элладе. Из Придунайских областей шли все новые и новые валы, — затопляя старожилов и принося им новую творческую силу, — арийских и венгерских переселенцев... Эллинские (северные) племена, благородные и воинственные, покончили с упадочными формами жизни торгашей Передней Азии... Чисто аристократическое законодательство препятствовало смешению крови. Северные силы, таявшие в борьбе, подкреплялись новыми переселенцами. Дорийцы, позднее македонцы, охраняли творческую голубую кровь. В конце концов и эти племена исто-

щились, и во много раз количественно превосходящая малоазиатская кровь просочилась через тысячи каналов в Элладу и отравила ее».

Северный человек есть человек борьбы, — «вечного закона природы», — человек чести, воли и красоты. Белокурой была Паллада — Афина, создание северных эллинов, богиня борьбы, которая сильных напояла своею мощью. Гибель эллинизма начинается от некрасивого, твердоголового ублюдка **Сократа**. Вместо борьбы он проповедывал власть добра, общество добрых и искал добро, «как таковое».

«Погибла красота, ублюднические формы появляются в искусстве, отвратительное, абсолютно некрасивое и даже неестественное делается «прекрасным»... Проповедь «разумного и доброго» была явлением параллельным упадку греческой расы и греческой души... (Розенберг, стр. 287).

Совершенно тоже самое, позднее, происходит и в Риме, и в Европе. После того, как римляне смешались с упадочными этрусками, и после того, как были допущены браки между патрициями и плебеями, началось несчастье. Правда, разрушение Карфагена было делом «огромной расово-исторической важности, ибо разрушением его была защищена, позднее, средне-европейская и западно-европейская культуры от испарений этого финикийского зачумленного очага» (Розенберг, стр. 55), но: «мировая история пошла бы совсем другим путем, если бы удалось, кроме Карфагена, совершенно уничтожить и все остальные сирийские и малоазиатские семитско-еврейские центры. Дело Тита пришло слишком поздно».

«Еврейские раввины, как Павел, Матфей и остальные ученики, фальсифицировали по семитско-сирийскому об-

разцу творение северного человека Иисуса Христа. Его смерть и его муки (пишет Розенберг) имеют второстепенное значение. Содержанием религии северного «Спасителя» была борьба... Религия христианского смирения и любви означала ублюдочное восточное и еврейское искажение христианства»...

«Так в Европу проникла религия, прожженная духом рабства»... Это было — говорит Розенберг дальше: «извращением всех греческих и римских культурно-творческих ценностей». Так погибла римская империя... «Взбурдажденные мутные волны ублюдочного потока из Азии, Африки и целого бассейна Средиземного моря и их разветвлений уничтожают расово-арийского римлянина, а христианство уничтожает его душевно и духовно». «Уличные певцы, конюхи, цирюльники становятся сенаторами и консулами. Таким путем сделались императорами: один испанец, как, например, Марк Аврелий, один «рожденный в Белграде левантинский Аврелиан». Марк Аврелий, уже христиански ослаб в своих способностях: он совершенно открыто выдвинул, как принципы государственной политики: «вопросы о защите рабов, эмансипации женщин, помощи бедным и безработным». Свежая арийская кровь, которая продолжает притекать в Рим, больше не помогает: ибо разливается, ибо смешивается.

Оевреенное и ублюдочное христианство проникает дальше на север и позднее развращает целую Европу, и прежде всего немцев. Смещение рас, учение о смирении, пацифизм, демократия, торгашеский дух и роковое еврейско-христианское учение о любви и равноправии всех людей, презрение к вере в кровь и расу погубили государства и народы и подготовили путь **марксизмо-комму-**

низму, — последнему и самому отвратительному бичу человечества.

«Культуру и искусство никогда не создавали ни «любовь», противная природе, ни «общество добрых и верных», которое вообще невозможно себе представить, ни «всечеловечество» с разбавленной кровью. Их создавали в Элладе: плодородный Эрос и расовая красота, а в Германии: честь и расовая динамика жизни. Кто не уважает этих законов, тот не в состоянии указать путей к мощному будущему германского запада. У **Достоевского** можно непосредственно осязать его святое и великое желание беспрестанной борьбы против упадочных сил. Но в то же самое время, когда он возвеличивает русского человека, долженствующего предугадать европейскую будущность, он видит Россию во власти демона... Он предсказал **Керенского** и **Троцкого**. В 1917 году «русский человек» был, наконец, «избавлен». И тогда он распался на две части. Северо-русская кровь отказалась от борьбы, а восточно-монгольская сильно разбушевалась, привлекла к себе китайцев и народы пустынь; евреи и армяне пробрались до руководящих положений, и воцарился татаро-калмык, Ленин. Демонизм этой крови восстал инстинктивно против всего, что, хотя бы по внешности, казалось правильным, что казалось мужественным и северным и что, в то же время, было каким-то живым укором тому человеческому типу, которого **Лотроп-Стоддарт** назвал «подчеловеком». Прежняя бессильная, но надменная любовь, превратилась в эпилептический припадок, полити-

чески руководимый энергией сумасшедшего. Россией управляет Смердяков. Как бы ни выглядел русский эксперимент, — власть большевиков могла быть последствием только расовой и душевной болезни народного организма, который не был в состоянии решиться на дело чести, а только на бескровную любовь». (Розенберг, стр. 213-214).

«Вся жизнь Иисуса была огненным противлением. За это он должен был умереть. Учению трусости придавали значение только духовные ублюдки, как, например, Толстой». (Розенберг, стр. 607).

«Христианское смирение и масонский гуманизм являются двумя обликами, под которыми проповедывалась идея любви, как высшей ценности, и которые должны были руководиться каким-то властолюбивым центром. В конце 19-го века идея любви появилась еще и в третьем облике, который нам подарил большевизм: в облике **русского учения о страдании и сожалении, символизированного людьми Достоевского...** Достоевский есть увеличительное стекло русской души». (Розенберг, стр. 207).

Розенберг дальше набрасывает несколько типов Достоевского и приводит несколько его изречений. Так, например, в России нет человека, который бы не лгал, «потому что мы все стыдимся самих себя, и каждый из нас старается себя представить во что бы то ни стало другим, чем есть на самом деле». Русский покорен, но в то же время и безгранично надменен, бессознателен и равнодушен к самокритике. Среди белого дня поручик Пирогов позволяет, чтобы его на улице публично избивал немец. После,

Пирогов убегает в соседнюю улицу, убедившись, что никто не видел происшедшего. Вечером он просит руку высокопоставленной дамы. Она ничего не знала о трусости претендента, а если бы и знала, все равно вышла бы за поручика-труса. Достоевский объясняет это самоунижение тем, что русский человек на протяжении двухсот лет отучался от всякой самостоятельности и был оплевываем и тем приучен к самой катастрофической приниженности.

Розенберг, само собой понятно, держится другого взгляда (стр. 208):

«Теперь мы можем вынести другой приговор: в русской крови есть что-то нездоровое, болезненное, ублюдочное, что постоянно тормозит всякое стремление в высоту. Подобная психология не является последствием сильной душевности, но как раз наоборот \sphericalangle она есть знак душевного уродства. Как раненый, который непрерывно трогает и рассматривает свои раны, так и душевно больной человек поступает со своим внутренним миром. В русской идее страдания и смирения лежит высшее напряжение между ценностями любви и чести. На всем Западе всегда выдвигалась идея чести и свободы, не взирая на костры и запрещения. У «русского» человека в начале XX века, когда он был вознесен почти что до Евангелия, честь, как организующая сила, не играет никакой роли».

Митя Карамазов, Иван с его мудростованиями, старец Зосима, старый Карамазов, Рогожин, князь Мышкин, Раскольников — ни одному из них неизвестна честь, как организующая сила, а Смердяков, — по Розенбергу, — «сплетение всего рабского без какого бы то ни было

стремления в высь». «Сюда же принадлежат все жестиколирующие студенты и болезненные революционеры, которые по целым ночам беспрерывно говорят, ведут прения, и, в конце концов, не знают, о чем они вообще спорили».

Таким путем Розенберг приходит к следующему заключению: «это — образы испорченной крови и отравленной души».

«Однажды **Тургенев** искал по России образец силы и твердости для героя одного из своих романов. Его в ней он не нашел, а взял болгарина, которого назвал Инсаровым. **Горький** спускался на дно общества, рисовал портреты бродяг без воли и без веры, или с такой волей и верой, которые светились, как светится фосфор гнилого дерева. **Андреев** дошел до человека, который получает пощечины. Все эти люди подтверждают горький факт, который увидел Чаадаев, что Россия не принадлежит ни к Западу, ни к Востоку и что она не имеет собственной, органически утвержденной, традиции». Во всем мире только одни русские не внесли ни одной единственной идеи в сокровищницу человеческих идей, а то, что получили от прогресса, — извратили. Русский, правда, двигается, но двигается по кривой линии, которая не ведет ни к какой цели; он как малое дитя не научился мыслить правильно.

«Это сознание — продолжает Розенберг (стр. 210) — дремало и у Достоевского, он ясно видел недостаток сознания личной ценности. Из болезненного стремления дать все-таки миру нечто самостоятельное, произошло его «всечеловечество», которое будто бы должно было быть тождественно с русскостью. Россия (по Достоевскому) это та, которая верно сохранила в своем сердце настоящий образ Христа, которая имеет миссию, когда запад-

ные народы заблудятся, направить их на новый, спасительный путь. Страдающее, мученическое человечество будет провозвещением грядущего «слова» — Россия».

В подтверждение своих положений о России и русских, Розенберг приводит (стр. 210) слова своего балтийского земляка, Виктора фон-Нена, который русских рисует так:

«Они не молодой народ, а одряхлевший, как китайцы. Все их грехи вовсе не результат молодости, а следствие астении нервов. Они чрезвычайно стары, древни; консервативно сохранили все старое и не желают его оставить. По их языку, суевериям, наследственному праву и т. д. можно изучать глубокую древность. Они бессознательны, бесчестны, подлы, легкомысленны, непоследовательны, бесчувственны, несамодеятельны, но — все это только в навязанных им современных культурных формах, которые требуют развитую и самостоятельную суб'ективность; там же, где дело идёт о староазиатских примитивных, им свойственных формах, — они неизменно моральны и надежны, как скала. Они — остановившийся народ... В старых русских отраслях техники солидно выполняются все работы, которые не требуют нарочитой индивидуальности, устремленной в самое себя, они выполняются коллективной фабрикацией по унаследованным, на все прописанным правилам; здесь они работают, как кроты, муравьи, пчелы. Вся европейская индустрия в России жалка до смешного; здесь все показное, рассчитанное на момент, хрупкое, подкрашенное, всегда все — не больше, чем детская иммитация новейших и со-

вершеннейших образцов, иммитация до крайности несовершенная, грубая и безвкусная».

Таким образом Розенберг приходит к заключению: отчаянная попытка Достоевского в действительности аналогична поведению того русского, из произведения Достоевского же, который однажды путешествовал по железной дороге совместно с Юстусом-фон-Либигом. Никто из пассажиров не знает, что иностранец является знаменитым химиком. Один из русских, не имевший никакого понятия о химии, вступает с Либигом в спор на эту тему. Русский говорит красноречиво и длинно, до тех пор, пока не доезжает до своей станции. Здесь он берет свои вещи и выходит из купе, гордый и до крайности довольный собой. Остальные (в поезде) русские ни на минуту не сомневаются в том, что в споре победил этот шарлатан. Именно в этом, — по заключению Розенберга, — и состоит сущность характера русского человека: «разбитая, безличная душа, которая слепо верит в то, что она преобразит мир».

Из всего этого Розенберг делает практическое поучение для всей Европы:

«Достоевский пользовался успехом у всех европейцев, которые впали в усталую сонливость, у всех ублюдков интеллигенции больших городов и у еврейских литераторов, видевших в героях Толстого и в его пустом пацифизме еще одно подходящее средство для разложения Запада... С того времени считалось «человеческим» все, что было болезненно, разбито и гнило. Униженные и угнетенные сделались «героями», эпилептики превратились в проблему глубокой человечности, стали также неприкосновенны, как свя-

тые, как прогнившие, обленившиеся нищие средних веков или как Симеон Столпник. Это представление совершенно противоположно германскому пониманию человечности.

«Для западного человека человеческим героем является Ахиллес, или воинствующий творец Фауст; человеческой силой — мощь неустанного Леонардо; человеческой ратоборностью та, которую выявили Рихард Вагнер и Фридрих Ницше. Необходимо раз навсегда покончить с русской болезнью представлять злодеев «несчастными», а дряблых и разложившихся считать «символами человечества». Даже индусы, на которых многие русские ошибочно ссылаются, принимают свою судьбу, как нечто такое, что они заслужили по своей вине, как грехи своей прежней жизни. Как бы мы ни толковали учение о переселении душ, оно аристократично и некогда вытекло из храброго сердца. А жалобы на «власть тьмы» являются лишь беспомощным бляением отравленной крови. Эта испорченная кровь создала себе высшую ценность в стремлении к страданию, в униженности и во «всечеловеческой любви», и тем самым сделалась врагом природы, точно также, как им некогда был Рим-победитель, пока Европа не успела, наконец, до известной степени сбросить с себя аскетический, египетско-африканский мазохизм». (Розенберг, стр. 211, 212).

Изложивши, таким образом, различие между германизмом и русскостью и роковую роль, какую сыграло христианство, как учитель и провозвестник любви и смирения, равенства всех людей и гуманности, Розенберг

должен был, в конце концов, прийти к нижеследующим выводам:

«Благодаря проповеди гуманности и учению о равенстве людей, каждый еврей, негр и мулат могли сделаться полноправными гражданами любой европейской державы; благодаря гуманной заботе об отдельном человеке, европейские государства переполнены роскошными учреждениями для неизлечимо больных и сумасшедших; благодаря чувству гуманности, каждый преступник-рецидивист рассматривается несчастным, без учета интересов целого, и, как таковой, при первой возможности выпускается вновь в общество, где без всяких препятствий может пользоваться своей способностью размножаться».

От гуманности, демократии и любви остается один шаг до марксизма и марксистского движения, который, по мнению Розенберга, плывет, как баржа, на буксире масонской демократии. Марксистские вожди точно также отбрасывают кровь и честь, как это делает и христианская церковь; идея любви и жертвы играет у одних и других ту же роковую роль. Демократия и марксизм суть ни что иное, как «грубейшее и бесчестнейшее материалистическое мировоззрение, которое сознательно поддерживает все процессы распада и в тоже время учит мир милосердию и любви к угнетенным и эксплуатируемым». Только в русской душе, такой, какой она описана выше, могли триумфально восторжествовать: любовь, смирение и «все-человечество» для того, чтобы завершиться тем, что является самым огромным несчастьем для народа и что угрожает, подобно чуме, полным уничтожением Европе и, в первую очередь, германизму! — **русским большевизмом.**

Поэтому неудивительно, что Розенберг может, на стр. 111, изложить следующие выводы из своего исследования по истории и расе:

«Рассмотрение чешской истории весьма поучительно для всего исторического исследования о расе в будущем; оно нас учит, что нужно весьма различать свободу от «свободы». Свобода в германском смысле слова есть внутренняя независимость, возможность исследования, создания представления о мире и чистое религиозное чувство. Свобода у малоазиатских вырожденков и черноволосых ублюдков значит разнузданное уничтожение чужих культурных ценностей. Первая сначала довела Грецию до высшего развития культуры, а потом, когда малоазиатские рабы «стали людьми» и до полного разрушения созданий культуры; **признать в наше время внешнюю свободу чехам, полякам и левантинцам** (левантинцами согласно Розенбергу суммарно называются все балканцы. — **От. Вин.**) значит создать расовый хаос. Свобода означает связанность однообразного и только она может нам гарантировать максимальное развитие. Но связанность однообразного требует и защиту этого однообразия.

«Те 300.000 гугенотов, которые пришли в Германию, были или чисто северной закваски, или происходили от какой-то крови, которая была обусловлена германской сущностью и которая отвечала условиям, необходимым для создания братской гармонии с немецкой кровью...

«Совершенно иное в своем существе современный, так называемый, паневропеизм, которого

добиваются французы, поляки, чехи и евреи. То, что имеется в виду под «паневропеизмом» есть объединение расово-хаотических отбросов огромных мировых городов, пацифистское деловое приглашение крупных и мелких торгашей и, наконец, угнетение ослабленных германских сил в Германии и во всем мире, которое осуществляют еврейские финансисты с помощью современных вооруженных кули Франции...

«В свое время **Викинги основали Россию**, германские элементы привели в порядок хаос русских степей и ввели население в государственные формы, которые и обеспечили культуру. Эту роль вымиравшей викингской крови позднее взяли на себя немецкие ганзейцы и вообще эмигранты, вливавшиеся в Россию с запада; со времени Петра Великого и позже — это были немецкие балты, а еще позже сильно германизированные балтийские народы. Но под цивилизованным верхним слоем в России постоянно дремало стремление к бесграничному расширению, дикая воля к уничтожению всех жизненных форм, которые русским казались преградами. Монгольская прослойка крови, даже и в самом слабом растворе, закипала при всех потрясениях русской жизни и толкала массы на такие поступки, которые отдельным людям казались совершенно непонятными. Эта неожиданная перемена всех моральных и общественных выявлений, которая постоянно возобновляется в русской жизни и в русской литературе (от Чаадаева до Достоевского и Горького) есть признак борьбы между враждебными кровными течениями, борьбы, ко-

торая не прекратится до тех пор, пока одна кровавая сила не победит окончательно другую.

«Большевизм означает собой бунт монголоидов против северной культуры, он есть стремление к степям, ненависть номада к личности в ее первоначальной основе, он есть, вообще, попытка устранения Европы. Многосторонне поэтически одаренная восточно-балтийская раса, — переполненная монголоидами, — представляет мягкую глину в руках северных вождей, или еврейских и монгольских тиранов. Она поет и пляшет, но в то же время беснуется и убивает; она глубоко преданная, но когда спадут ослабевшие формы, она необузданно предательская, — до тех пор, пока вновь не собьется в новые формы, хотя бы они и были самыми тираническими».

Читатель в приведенных здесь розенберговских цитатах и в его расовой теории найдет, конечно, странные противоречия. Розенберг говорит даже, что христианская наука, смирение, любовь и гуманность, по существу, тождественны русскому характеру. Он эти учения и христианские добродетели отвергает, как разрушителей расы и культуры. Но в другом месте он, однако, эти добродетели считает опять «моральными» и полезными для общественного прогресса, как прямые противоположности монгольской крови, которая все разрушает. Здесь он, вдруг, русскую кровь, смешанную с монгольской, и русские свойства отождествляет с самой грубой дикостью. Подобные оновные противоречия и теории балтийца Розенберга злобный человек мог бы истолковать тем, что сам Розенберг, по его собственной теории, безусловно должен быть тоже «ублюдочным» русским, в котором

сталкиваются и борются разные расы, крови и противоречивые души, какими они перед нами появляются, на страницах его книги, то одна, то другая... Такие рассуждения, противоречащие всякой истории, всякой логике, всякой истине и всякому положительному знанию (даже полужнанию, даже «четверти знания»), взаимно состязающиеся во лжи, — часто даже в пределах одного и того же предложения, — повторяются постоянно во всем «Мифе». Будь-то русские и Россия, будь-то французы, поляки, чехи, «негры», сирийские «азиаты» или ктонибудь другой, — никто здесь не забыт, — Розенберг всех их бросает в один мешок. Для него, как и для Гитлера, существует только один избранный народ, только одна избранная раса: северно-арийско-германские немцы. От них ведет свое происхождение вся культура и все, что есть на земле хорошего, прекрасного и драгоценного. «Все то, что мы теперь абстрактно называем наукой, есть исключительное творение германской расы, есть результат германских творческих сил», говорит он слово в слово. Поэтому необходимо из немецких школ выбросить, например, Ветхий Завет, который есть ни что иное, как рассказы о «сутенерах и торговцах скотом», которые портят и отравляют немецких детей. Он должен быть заменен «северными сагами и сказаниями, которые бы сначала просто рассказывались, а потом разрабатывалась бы как символы». По Розенбергу необходимо было бы заменить и в церквах, и на дорогах, распятия, представляющие мучительную казнь распятием на кресте. Распятия нужно было бы заменить гакенкрейцером (свастикой). «Новая немецкая народная церковь и гакенкрейцер, как символ, — по Розенбергу, — являются одним из условий спасения и возрождения германизма, священные памятники ко-

того должны быть воинственными, честными памятниками борьбы, а не памятниками распятой болезненности и смиренности Иисуса Христа.

Противоречия всюду, но мы в данной статье не преследуем полемических целей, нашей задачей является цитирование авторов и их представлений о расовой теории и расовой политике. Как бы ни были очевидны расхождения в «Мифе», сам автор, его книга и его взгляды имеют единственную примечательную черту: они последовательны. Что бы ни говорилось о русских, о славянах, о том, является ли большевизм в России последствием смирения и любви, или все разрушительного азиатского варварства; идет ли дело о поляках, чехах, левантинцах, неграх, французах, евреях, или этрусках, о Сократе или о «еврейском зилоте Матфее», о «материалистическом раввине Павле» или об «африканском юристе Тертулиане», о «расхлябанных ублюдках», каковыми являются: святой Августин, Толстой и Достоевский или Лессинг и Гейне, — для Розенберга и для национал-социализма все концентрируется около одной единственной цели, одной задачи: в Германии живет северно-германо-арийская кровь и она находится на пути к полному оздоровлению. В этом заложено спасение человеческой культуры. Но эта Германия попала под угрозу и с Запада, и с Востока. С Запада: под угрозу демократии, местонахождение которой теперь в «негритизированной Франции». С Востока: под угрозу русского большевизма. Германия зажата в тиски между скопищами «подчеловеков» и ублюдочных народов, откуда ей угрожают «расовая чума и душевное убийство». Внутри эта Германия пробуждена. По Розенбергу, в ней вновь проснулись: всеотец Вотан, германский бог чести, Водин, и прусский

король Фридрих Великий, «Фридрих Единый». «Достаточно только посмотреть на отдельные роты рейхсвера, или на роты наших штурм-батальонов, когда они проходят, чтобы на деле увидеть эти героические силы, бьющие из подсознания». Героизм — это немецкое, германское, это — честь и борьба, все остальное — торгашество и упадок.

Поэтому святейшая обязанность и возвышенная задача всякого немца, во имя Бога, во имя человека и во имя будущности всего живого в мире, устранить и уничтожить внешние опасности, которые угрожают Германии. И не только это! Подобно тому, как арийцы некогда основали все государства и создали все культуры, так теперь необходимо с помощью Германии оздоровить всех немцев и германцев, для того, чтобы возвратить им старое влияние и спасти человечество, которое уже разлагается. «Германия, Германия выше всего»; «немцы во главе мира», эти слова из времен Вильгельма получают свой истинный глубокий смысл только теперь, в третьем, национал-социалистическом Райхе. Значение всего этого изложено в розенберговском «Мифе» и в «Моей борьбе» Адольфа Гитлера. В то время, как «Миф» в главном полон теоретических рассуждений, книга Гитлера указывает практическое применение этого учения и объясняет чему оно должно служить:

«Что этот мир в один прекрасный день, — говорит Гитлер (на стр. 148), — вынужден будет на жесточайшую борьбу за существование, в этом никто не сомневается. В конце концов, победит чувство самосохранения. Пред ним растает, как снег на мартовском солнце, так называемая гуманность, являющаяся смесью глупости, трусости

и надменного мудрствования. Человечество сделалось великим в вечной борьбе, в вечном мире оно погибнет».

«Наш мир не для трусливых народов», говорит Адольф Гитлер в «Моей борьбе». Это изречение могло бы служить эпиграфом к его внешне-политическим взглядам и к целям, которые он поставил перед расо-арийской Германией. По его мнению, военное поражение Германии в 1918 году было не какой-то незаслуженной катастрофой, но «заслуженным наказанием вечного отмщения», ибо оно было расплатой за внутреннюю гниль, за трусость, бесхарактерность и недостойность немецкого народа, среди которого в то время «каждый третий человек был изменником». А почему? Несмотря на марксизм, евреев, масонов, демократов, гнилое дворянство, гнилую монархию, трусливую и деньгами испорченную буржуазию, несмотря на совершенно противоположную истинной внутреннюю и внешнюю государственную политику, глубокой причиной всего этого, а следовательно и поражения, — была отвратительная кровь расы. «Все, что в этом мире не от хорошей расы, все есть прах».

Прахом были немцы в 1914 году и прахом была прежде всего Австро-Венгрия. Когда Гитлер первый раз приехал в Мюнхен (стр. 138), он воскликнул с воодушевлением: «Вот, настоящий немецкий город! Как он отличается от Вены. Меня рвало, когда я вспоминал об этом Вавилоне рас».

Гитлер эту монархию, в которой он родился, горячо ненавидел задолго до войны, потому что в этом государ-

стве с 10 миллионами немцев Габсбурги, по Гитлеру, все больше и больше прижимали немецкий элемент. В Австрии господство, якобы, принадлежало Славянам и, благодаря влиянию наследника престола, Франца-Фердинанда, было только вопросом времени превращение ее в славянское государство, в котором немцы были бы осуждены на гибель! «С точки зрения расовой политики союз Германии с Австрией был просто роковым. Терпелось возникновение нового мощного славянского государства на самой границе Германии», — говорит Адольф Гитлер на 160-ой странице, и поэтому сейчас же приходит к следующему выводу: «Для Германии было настоящим счастьем, что война 1914 года возникла не прямо с ней, а косвенно, через Австрию, так что Габсбурги должны были в нее вмешаться, ибо в противном случае Германия оказалась бы в одиночестве». Австро-Венгрия поступила бы точно также, как и Италия, и никогда не выполнила бы своих союзнических обязательств. Германия была бы в одиночестве и оказалась бы побежденной. «Австрийские славяне радостно разрушили бы габсбургскую монархию еще в 1914 году» и новая славянская великая держава была бы совершившимся фактом. Когда Гитлер услышал об убийстве эрц-герцога и его жены, он сначала испугался, думая, что его может быть убили немецкие студенты за славянофильство. Последствием было бы, разумеется, дальнейшая и еще более быстрая славянизация Австро-Венгрии. «Но когда, немедленно после этого, я услышал и имена лиц, подозревавшихся в убийстве и когда я читал, что установлено, что убийцами были сербы, меня начал охватывать тихий ужас — перед этим отомщением таинственной судьбы. Величайший друг славян пал сраженный пулей славянского фанатика». (Стр. 174).

«Несправедливо, когда венское правительство теперь упрекают за форму и содержание ультиматума, который она тогда поставила. Нет в мире страны, которая на его месте и в его положении могла бы поступить иначе. Австрия на своей восточной границе имела неумолимого смертельного врага, который все чаще и чаще вызывал монархию и который никогда бы не перестал ее подкапывать, пока в один прекрасный день не наступил бы для него подходящий момент эту монархию раздавить.

«Существовала совершенно понятная боязнь, что это наступит самое позднее в момент смерти престарелого императора, когда монархия, вероятно, вообще не была бы в состоянии оказать серьезного сопротивления. В последние годы все государство с такой исключительностью опиралось на личность Франца-Иосифа, что широкие массы вперед чувствовали, что смерть этого престарелого воплощения монархии будет смертью и самой монархии. Действительно, одним из хитрейших ходов славянской политики было создание убеждения, что австрийское государство вообще держится только благодаря удивительному и беспримерному искусству этого монарха; эта лесть нравилась императорскому двору, тем больше, что она ни в какой мере не отвечала действительным заслугам императора... Нет, действительно, несправедливо упрекать венские правящие круги за то, что они толкнули страну на войну, которую, якобы, возможно было избежать. Ибо того, что можно было бы избежать,

больше не существовало, единственно же, что еще было возможно — это отложить ее на год-два. Настоящим проклятием, как немецкой, так и австрийской дипломатии, было то, что она постоянно пыталась откладывать неизбежный расчет до тех пор, пока, наконец, не была принуждена, — в самый неблагоприятный момент, — начать активное выступление. Лично я ощущал эти моменты, как избавление от досадного чувства. Я не стыжусь и теперь сказать, что я тогда, будучи охвачен бурным одушевлением, пал на колени и от всего сердца возблагодарил небо, которое подарило мне счастье жить в это время... Я так часто пел «Deutschland über alles» и изо всей мочи кричал «Heil», что мне теперь кажется какой-то особо данной мне милостью то, что я смогу перед божественным судом вечного судьи предстать, как свидетель и подтвердить истину этого убеждения». (Гитлер, стр. 174-179).

Мы процитировали взгляды Гитлера и его отношение к событиям 1914 года так обширно потому, что редко где в «Моей борьбе» личность его выступает так рельефно и ясно, как именно здесь. Однако, наша задача не заключается в критике Гитлера и «Моей борьбы». Мы хотим попытаться дать объективное изложение отношений национал-социализма к России и славянству. Если эти отношения в «Мифе» не просвечивают достаточно ясно, то в «Моей борьбе» они с каждой страницей очерчиваются все яснее и яснее.

Для Гитлера немецкая политика имеет только два пути. Или колониально-торговая политика, или политика территориальная. Территориальную политику вел прус-

ский король Фридрих II, когда захватил Силезию, ради которой он вел три войны, одной из коих была Семилетняя. Без такого Фридриха не было бы Пруссии, а без Пруссии не было бы Германии! Колониально-торговую политику вел первый Райх, основанный в 1870 году на полях сражений и погибший в 1918 году, благодаря этой ошибочной политике. **Если Германия и населяющая ее раса желают существовать во веки-веков и выполнить свою миссию, то, — по Гитлеру и Розенбергу, — они должны вернуться назад к политике Фридриха II, — к территориальной политике.**

Число населения на всей земле растет, и наступит время, когда плодородность земли окажется недостаточной для прокормления. Наступит день, когда народы силой будут принуждены приостановить свое размножение. «Точно тоже произойдет со всеми народами, что происходит теперь с народами, страдающими от перенаселенности и недостатка питания вследствие того, что они не имеют больше сил и твердости для обеспечения себе места под солнцем. Между тем положение таково, что на нашей земле, имеются и теперь еще огромные пространства неиспользованных земель, которые только ожидают обработки. И точно также совершенно ясно, что землю природа создала, не как резерв для какого нибудь определенного народа или для какой нибудь предназначенной расы, но как поля и нивы для народа, имеющего силу для того, чтобы их занять, и трудолюбие для того, чтобы их обрабатывать. Природа не знает политических границ. Она бросает живые существа на нашу планету и потом созерцает живую игру сил. Храбрейшие и более трудолюбивые из этих существ, как любимые дети природы, получают преимущественное пра-

во на существование». (Гитлер, стр. 147). А без новых земель и полей нельзя обеспечить будущности Германии.

«Такая политика в данное время может осуществиться не в Камеруне, а исключительно в Европе. Поэтому необходимо холодно и трезво усвоить взгляд, что по всей вероятности небо не имело намерения отвести на нашей планете одному народу в пятьдесят раз больше земли, чем другому. В этом случае политические границы и не должны нас останавливать пред границами вечного права. Если наш мир действительно имеет достаточно пространства, чтобы все могли на нем жить, тогда пусть и нам будет дано столько земель, сколько нам необходимо для того, чтобы жить. Конечно, этого никто не сделает добровольно. Но, — тогда вступает в силу право самосохранения; что не может быть получено добром, необходимо взять силой кулака... Нашей прирожденной решительности в борьбе за самосохранение мы должны быть благодарны за наши две восточные провинции, а равно и за внутреннюю силу, вытекающую из величины нашей государственной и этнографической территории, благодаря которой мы вообще теперь существуем». (Гитлер, стр. 152).

«Если мы хотим добыть себе землю и ниву в Европе, это, в главном и общем, мы могли бы сделать только за счет России, и для этого новый Райх (1870 г.) должен был вступить на путь рыцарей наших старых орденов и мечем завоевать для немецкого плуга ниву, а для нации насущенный хлеб». (Гитлер, стр. 154).

Величайшая ошибка иностранной политики Гогенцоллернов заключалась в том, что они вели колониально-торговую, а не территориальную, политику. Колониаль-

но-торговая политика означала собой вызов и флот, а вместе с тем и конкуренцию с северными народами: англичанами и американцами. Между тем для территориальной политики Германия в Европе имеет только одного естественного союзника, Англию. «Вообразим, например, — говорит Гитлер, — что Германия в 1904 году вела немного более умную внешнюю политику и взяла на себя роль Японии. Нам теперь трудно представить себе какие последствия это повлекло бы за собой для Германии. Никогда не дошло бы до мировой войны. Кровь, которая была бы пролита в 1904 году, сохранила бы нам, по крайней мере, в десять раз больше крови из той, которую мы пролили в 1914-1918 г.г. И каким было бы теперь мировое положение Германии!» (стр. 115).

Таким образом единственно правильной внешней политикой Германии 1904 года, по мнению Гитлера, должна была быть политика союза с **Англией против России и Австро-Венгрии**. Десять миллионов немцев Австрии должны были быть присоединены к райху, а австрийскую «славянскую державу» нужно было уничтожить. От России, по примеру Японии, нужно было отнять необходимую территорию.

«Единственно и исключительно совместно с англичанами было бы возможно обеспечивши себе тыл, начать **новый германский поход**. И мы имели бы на это несколько не меньше права, чем имели его наши предки. Ни один из наших пацифистов не отказывается есть хлеб с востока, хотя первый плуг некогда назывался «мечем». Но в таком случае, ни одну жертву нельзя было бы рассматривать, как несоизмеренно-огромную для того, чтобы приобрести сочувствие британцев. Необходимо было бы отказаться от колоний и от престижа на море, и освободить британскую

промышленность от германской конкуренции». (Гитлер, стр. 154).

Само собой разумеется, что современная Германия не должна вновь повторять ошибок гогенцоллерновского района, точно так же как и ошибок республики. Затем, Гитлер набрасывает следующую схему немецкой внешней политики, которой должна быть подчинена, как средство, и вся немецкая внутренняя политика: на востоке необходимо захватить территорию; на западе остается Франция, которая, не взирая на то, кто управляет ею: Бурбоны, якобинцы, буржуазная демократия или красный большевизм, имела и всегда будет иметь своей целью разрушение Германии. Французский народ, благодаря своим африканским колониям, превращается все больше и больше в негров. Не пройдет много времени, как Франция делается негритянским государством, простирающимся от Капштадта до Парижа, и угрозой для всей белой расы. Мы первые в Европе подвергнемся этой угрозе, как представители белой расы, и посему Германии необходимо прежде всего свести счеты с Францией. Однако, это не главная цель, а лишь одна из предпосылок национал-социалистической политики:

«Будущей целью нашей внешней политики не может быть ни западная, ни восточная ориентация, а только лишь **восточная политика, в смысле приобретения необходимой территории для нас, для немецкого народа.** Так как для этого необходима сила, а смертельный неприятель нашего народа, Франция давит нас немилосердно и обесиливает нас, мы должны быть готовы на всякую жертву, которая способствовала бы крушению французских стремлений к гегемонии в Европе.

«Нашим естественным союзником является всякая страна, которая, как и мы, чувствует невыносимость французского властолюбия на континенте. Нам не должен казаться тяжелым никашой шаг, если только он сблизит нас с этой страной; мы не смеем останавливаться ни перед какими самоограничениями, если в перспективе будем иметь возможность свергнуть нашего жесточайшего неприятеля. Мы могли бы спокойно ждать, чтобы время залечило наши второстепенные раны, если бы сумели выжечь и исцелить нашу главную рану». (Гитлер, стр. 757).

По Гитлеру, можно было бы поставить в упрек гогенцоллернскому райху политику союзов и болезненную слабость, с которой он, якобы, стремился, во что бы то ни стало, сохранить европейский мир! В одном только его нельзя упрекать, — в том, что он не сохранил добрых отношений с Россией:

«Я никогда не забуду тех постоянных дерзких угроз, которые осмеливалась делать по адресу Германии тогдашняя панславистская Россия; я никогда не забуду тех постоянных пробных мобилизаций, смысл которых заключался в раздражении Германии; я не могу забыть тех общественных настроений в России, которые еще до войны усиливали ненависть против нашего народа и против нашего государства; я не могу забыть большой русской печати, больше увлекавшейся Францией, нежели нами». (Гитлер, стр. 753).

Так дело обстояло уже и в прошлой России. Теперь и подавно! «В русском большевизме мы должны видеть попытку евреев захватить в двадцатом столетии власть над

целым миром». Кроме того, современные правители России, «забрызганные кровью — обычные преступники и отбросы человечества». «Для них не будет святым никакой договор, потому что они живут в этом мире не как представители чести и правды, а как делегаты лжи, обмана, кражи, грабежа, и разбоя». Но главным в отношении к России, азбукой всей германской политики, является: места и земли для немецкого народа!

В качестве своего политического завещания германскому народу Гитлер (на стр. 754) провозглашает следующее:

«Не допускайте никогда существования двух континентальных сил в Европе. Всякую попытку организации на границах Германии какой либо военной силы, хотя бы это было созданием какого нибудь государства, которое только в будущем способно стать военной силой, считайте нападением на Германию, и пусть это вам продиктует не только право, но и долг, всеми средствами, — вплоть до применения оружия, — воспрепятствовать созданию такого государства, или разбить его, если оно уже существует. Старайтесь чтобы фундамент силы нашего народа был заложен не в колониях, но на континенте нашего отечества — в Европе. Не считайте, что Райх обеспечен, до тех пор, пока он не будет в состоянии на сотни лет вперед гарантировать всякому сыну нашего народа собственный кусок земли. Не забывайте никогда, что священным правом в этом мире является право человека на землю, которую он хочет обрабатывать, а самой священной жертвой —

та кровь, которая за эту землю пролита». (Гитлер, стр. 754-755).

Если бы современная Германия попыталась для осуществления своих целей найти союзников, речь могла бы идти только о двух государствах: об Англии и Италии. Англия не может мириться долгое время с Францией такой, какой она является теперь. То же самое относится и к Италии. «Будущее Италии будет всегда находиться в зависимости от развития событий, которые императивно будут группироваться около Средиземного бассейна. Италия, конечно, вошла в войну не потому, что желала увеличить Францию, а прежде всего для того, чтобы нанести смертельный удар ненавистному сопернику на Адриатическом море».

То же мнение высказывает и Розенберг в своем «Мифе»: «итальянская политика — говорит он (на стр. 666) — желает быть органически связанной, поэтому она основывается (на промежутках) на Корсику, Тунис, Далмацию и некоторые югославянские острова. На запад от Средиземного моря, таким образом важен союз: Лондон, Мадрид, Рим, который может без всяких затруднений послужить дополнением к системе северных государств: Берлин — Лондон — Осло — Стокгольм — Гельсингфорс».

Спасение Европы и безопасность северной расы Розенберг видит только в следующей системе государств: «единный немецко-скандинавский блок с задачей: добыть территорию для ста миллионов немцев и воспрепятствовать созданию на востоке монгольской опасности; союз этого блока с Англией, господство которой в Индии мо-

жет быть обеспечено тоже только тогда, когда будет положен конец политическому укреплению азиатизма, и, наконец, средиземный союз, во главе с Италией». Потом еще — союз с Северной Америкой, которая должна будет освободиться от чернокожих, желтокожих и евреев; на Дальнем Востоке — система желтых государств, в которой жизненные интересы белой расы будут сообща охранять: Северная Америка, Англия и Германия. Восточная Азия восточным азиатам, — от Манчжурии до Индо-Китая и Малакки с соседними островами. Тогда, наконец, Германия будет в состоянии создать в Европе достаточное пространство для своих будущих 100 миллионов жителей. Необходимо очистить земли для обработки их немецкими крестьянскими руками!». (Розенберг, стр 676-677).

Ибо глубокий смысл, и первая, и последняя цель национал-социализма заключаются в **расовой и территориальной политике**. Одна не может существовать без другой. С ними возникает и без них умирает национал-социалистическая мысль. Всякого немца от колыбели до гроба должна вдохновлять одна только мысль о расе и территории. В этом весь смысл современного воспитания немецкой молодежи. «С точки зрения расы, — так говорит Гитлер на стр. 476, — воспитание достигает своего совершенства службой в армии». И здесь Гитлер смотрит в далекое будущее. Он не останавливается, как Розенберг, всего лишь на 100 миллионах немцев, но занят мыслью о будущих 250 миллионах, которые на достаточной для них территории доведут до совершенства свои немецкие особенности. Он провидит: как северная господствующая раса, вновь возьмет на себя прежнюю культурную миссию, как она создаст новую культуру и даст человечеству силы для нового полета. Но это будет осуще-

ствимо лишь в том случае, если размеры немецкой территории будут приведены в гармонию с количеством населения, и если будет устранено существующее теперь в этом отношении несоответствие. «Это требование честно и морально оправдано». Так как прежние, — 1914 года, — границы не были ни разумными, ни целесообразными с военно-географической точки зрения, то требование восстановления только границ 1914 г. является «политическим абсурдом, который по своим размерам и последствиям походит на преступление».

«Поэтому мы, национал-социалисты, должны непоколебимо держаться наших целей во внешней политике, т.-е. обеспечить немецкому народу на этом свете должную ему землю и ниву. Только эта деятельность может оправдать перед Богом и нашим немецким потомством нашу ставку на кровь (Bluteinsatz). Перед Богом — потому, что мы брошены в этот мир, для того, чтобы в вечной борьбе добывать свой насущный хлеб, как существа, которым ничто не дается даром, и которые за свое на земле господствующее положение обязаны только своей гениальности и героизму, при помощи которых сумели это положение создать и защитить; перед нашим немецким потомством потому, что мы не прольем крови ни одного нашего гражданина, которая бы не подарила жизни тысячам наших потомков. Нивы и земли, на которых наши крестьяне получают возможность рождать сильных сынов, благословят ставку на жизнь теперешних наших сыновей и снимут ответственность с государственных людей, ныне подвергающихся нападкам, и простят им кровавый грех и человеческие жертвы». (Гитлер, стр. 739).

«Люди создают государственные границы, они же их и изменяют. Если немецкий народ, теперь скученный на

совершенно недостаточной территории, видит перед собой только очень жалкую будущность, — мы не можем считать, что такова воля судьбы, точно также, как не можем назвать бунтом против судьбы, восстание народа против подобного положения... Как наши предки не получили в дар с неба земли, на которой мы живем, но должны были завоевать ее, рискуя своей жизнью, точно также в будущем и нам землю, и вместе с ней и жизнь нашего народа, не подарит ничья милость, а приобретет ее для нас только мощь победоносного меча»... (Гитлер, стр. 741).

«Этим мы, национал-социалисты, сознательно проводим черту, под довоенным направлением нашей внешней политики.

«Мы ее продолжаем с того места, где она остановилась шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечный поход германцев на юг и запад Европы и направляем наши взоры на восток.

«Мы окончательно прекращаем нашу довоенную колониально-торговую политику и переходим к территориальной политике будущего.

«И когда мы говорим о новой территории, о новых нивах в Европе, мы в первую очередь думаем о России и о ей подчиненных окраинных государствах...

«Организация русского государства не была результатом государственно-политических способностей славян в России, но блестящим примером государственно-творческой деятельности германских элементов среди низшей расы. Веками Россия расходовала это германское ядро своих высших руководящих слоев. Теперь это ядро, можем

сказать, почти совершенно истреблено и вычеркнуто из жизни, на его место пришел Еврей... Огромное государство на востоке готово на слом. Конец еврейской власти в России будет концом и России, как государства. Мы предназначены судьбой быть свидетелями катастрофы, которая будет сильнейшим подтверждением правильности народно-расовой теории». (Гитлер, стр 742-743).

Отто Винклер.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

В л . Л е б е д е в . Россия и Япония	5
Ф е д о р М а х и н . Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке	39
(Цели войны. — Общая характеристика дальне-во- сточного театра военных действий. — Экономические базы России и Японии. — Вооруженные силы России и Японии. — Возможные планы действия сторон)	
О т т о В и н к л е р . Национал-социализм и Россия	77

